

АЛЕКСАНДРА ГРОМ

ШПИЛИ ВЕЛИКИХ БАШЕН

18+

Александра Гром
Шпили Великих башен

«Автор»

2026

Гром А.

Шпили Великих башен / А. Гром — «Автор», 2026

Почему император и Орден магов с беспокойством смотрят, как вода и ветер точат покрытые защитными печатями шпили Великих башен – эти памятники победы над Странником и его Зверем, триста лет назад принесших в мир Унна Зло и магию? Кто пытался убить невест скутума смерти? И их ли вообще хотели убить? Должны ли эти вопросы волновать не принадлежащую к благородной фамилии сорокалетнюю даму, работающую в банке, и стопроцентного человека, если говорить о видовой принадлежности? Не должны и не волновали до тех пор, пока я не оказалась в теле невесты скутума смерти, третьей и единственной дожившей до церемонии бракосочетания. Тогда список вопросов пополнился ещё одним. Почему именно со мной произошёл обмен?

© Гром А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	31
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александра Гром

Шпили Великих башен

Глава 1

6415 оборот Астерио, Сезон Цветения, 1 день 4-й декады, полдень

Ситуация располагала к погружению на самое дно ледяного моря под названием Страхили к блужданию в лабиринте Рефлексии. Страх пока не пришёл, рефлексия тоже запаздывала. Их опередили удивление и удовлетворение. А кто не любит быть правым? Я давно поняла, что неудачница – это не оскорбление. Опыт показал, терпение и труд порой не приносят результата, не просто ожидаемого, а казавшегося неизбежным. Виной тому – стечение обстоятельств, непрогнозируемое и иногда идущее вразрез с привычным порядком вещей. Однако сегодня выдался исключительный день! Уже упомянутый опыт и воображение, яркое от природы и развитое сотнями прочитанных книг, не смогли подготовить к новому повороту. Отсюда и удивление.

Переманивая меня в свой отдел пять оборотов назад, Сандр Берти обещал, что я сменю его на должности, когда он соберётся на заслуженный отдых. Его обещание никак не повлияло на моё решение. Я соблазнилась задачами поинтереснее, окладом повыше и переездом в столицу.

Оборот назад господин Берти основательно взялся за мою подготовку. Этот этап я тоже проходила и по-прежнему не питала иллюзий, но добросовестно вникала в тонкости работы руководителя отдела инвестиций.

Девять декад назад господин Берти заверил, что от правления банка сюрпризов не предвидится. Что-то подобное, сказанное таким же уверенным тоном и искренне, я слышала и от Лимии Кирис, моей бывшей начальницы. По словам господина Берти, мне осталось сделать последний шаг, после которого председатель готов был поставить подпись и на заявлении самого Берти, и на приказе о моём назначении.

Внезапно появившееся условие меня удивило, но узнав, в чём суть, я окончательно уверилась в своей правоте. После скандала на предыдущем месте работы у нового высокого руководства, очевидно, сложилось впечатление, что можно сэкономить на «сахаре» для меня, заменив его подвешенной морковкой. Они ждали, что ради неё я возьму все препятствия. А иначе, как препятствием с почти стопроцентной гарантией сломать шею, подписание договора с Лудом Акке было не назвать. На капитал этого промышленника из Ноэса смотрели все приличные игроки на рынке. Смотрели голодно и давно – только у нашего банка переговоры и этим господином трижды заканчивались неудачей. «Сделала Акке клиентом» – такая строчка в резюме не открывала новые двери, а означала вершину карьеры.

Стоило ли удивляться, что своему начальнику я верила не больше, чем в Вечного и Защитника, Консейсау и водных дев, богиню Гемму и бога Астерио, Хозяина гор и Владыку ветров, а также в Отца волков и прародителей прочих крупных хищников, на родство с которыми претендовали некоторые племена Унны? За поручение я, разумеется, взялась, потому что и на текущей должности мне платили немало – хватило на выкуп квартиры в Среднем, но фактически, в Верхнем городе столицы.

Час назад господин Берти вручил мне приятно тяжёлую кожаную папку с завизированным банком договором, который уже согласовали юристы Акке и которым я по праву гордилась. Отправляя меня в Верхний город за долгожданной победой, начальник напоследок продемонстрировал купленную им лично бутылку белого ноэского – самой дорогой марки из

моих фаворитов. Господин Берти собирался открыть её в честь моего повышения. Я и тогда не поверила. Видимо, зря. Сейчас я не сомневалась, что должность всё же оставили за мной

Вот это уже походило на рефлексию.

Ослабевшие руки безвольно скользнули вдоль тела, а папка с договором упала на колени, но страх так и не пришёл. Почему? Я уже достигла всего, что могла? Ведь какая в сущности разница, кто в итоге возьмёт подпись у Акке на моём договоре! Или спокойствие гарантировал тот факт, что мои дела были в порядке, а завещание уже десять лет как хранилось у нотариуса? Или дело было в том, что меня никто не ждал. Айна не в счёт. Она быстро найдёт того, кто о ней позаботится. Меня же нашла пять оборотов назад.

Машинист назвал следующую станцию. Она была ближайшей к конторе Луда Акке. Поезд почти домчал меня до точки, диаметрально противоположной той, где находился главный филиал Вандрертерского банка, в котором я служила.

Снова заработал радиодфон. Мерный стук колёс придавал особую торжественность голосу диктора, сообщившему всему Вандрертеру благою весть:

– самый ожидаемый брак сезона заключён, и гости уже сели за праздничные столы!

Тот, кто писал текст новости, несколько преуменьшил значимость и масштаб события. Эту свадьбу ждали четырнадцать оборотов, и её почтил личным присутствием сам император, причём обе части, и официальную, и торжественную.

Замедляясь, сердце стучало гулко. Грудная клетка поднималась всё реже. В начале поездки я чувствовала, что в вагоне тепло, а сейчас отяжелевшее тело сковывал холод, хотя запах остался прежним – смесь нагретых металла и кожи.

За окнами плоские крыши-террасы спального района Среднего города лесенкой взбирались к началу арочного некрополя, близнеца тому, по которому мчался мой поезд. Крыши домов и арки начали растворяться в ярком свете, бившем прямо глаза. По щекам потекли слёзы. Я уже не могла отвернуться, лишь смежила веки. Свет потускнел и начал меркнуть. Наконец, пришла боль.

Кто, строя карьерные планы, предполагает, что за пару часов до получения заветной должности его может остановить собственная смерть от сердечного приступа? Я не предполагала. И кто, увидев меня сейчас, стал бы спорить, что вместе с тьмой в пустой – невиданное дело для середины первого дня декады! – вагон войдёт не она? И разве я не права, что неудачница – это не оскорбление?

6415 оборот Астерио, Сезон Цветения, 1 день 4-й декады, позже

Темнота наполнилась золотым светом, шорохами и звуком собственного дыхания. Я выжила! Кто-то всё-таки вошёл в вагон, заметил меня и как-то понял, что я не задремала от лёгкой качки после плотного обеда! В Верхнем городе находился Главный госпиталь Вандреркера. Если мне повезло, меня доставили именно туда. Вот только запах странная горьковато-освежающая смесь зелени и воды. На доставку цветов от коллег для поднятия духа я не рассчитывала.

Я открыла глаза и смахнула с лица что-то яркое, мешавшее рассмотреть высокий потолок из светлого камня. Я несколько раз моргнула в попытке сфокусировать взгляд. То, что я приняла за тёмные «мушки» перед глазами, оказалось символами, которые использовали маги в своих печатях. Печати покрывали весь потолок. Взгляд скользнул ниже, натолкнулся на дверь, украшенную резьбой или декоративными накладками – расстояние и чёрный цвет мешали разобрать. Вышитые гладью печати я заметила и на покрывале. Золотые нитки на – я присмотрелась к рыхлой ткани сливочного цвета, через которую просвечивало белое одеяло, – шерсти, причём очень дорогой! Это было слишком даже для главного госпиталя Вандреркера.

Я осмотрела «палату». Она оказалась небольшой. В дальнем левом углу стояло кресло. Цвет обивки совпадал с цветом покрывала. Кресло загораживал круглый стол чёрного дерева

без глянцевого блеска, резьбы и инкрустаций. Правый угол скрывала ширма – чёрный деревянный каркас со вставками из светлой ткани, матово блестящей там, где на неё падал свет. Несмолкающий шорох доносился оттуда. Я плохо разбиралась в стилях мебели, несмотря на лекции мужа моей тётки. Впрочем, нельзя сказать, что регулярные поездки в резиденцию благородного Петера Ригори в провинции Монте прошли для меня даром. «Благородный» вкус дядя во мне всё же развил, правда ограничивался он вином и одеждой, так что про мебель в этой комнате я могла сказать немного. Такую сейчас не делали. Такую не делали уже очень давно! При этом она находилась в отличном состоянии, не хуже, чем светильники – простые рожки-держатели с лампочками круглой формы – практичные и вполне современные. Обстановка комнаты меньше всего походила на палату госпиталя. Это была дорого и со вкусом обставленная спальня.

Я села. Длинные пряди волос тонкими змейками соскользнули с плеча. Я замерла, а потом поймала одну прядку и поднесла к лицу, сама не зная зачем. Мои волосы были гораздо короче, не говоря уже о цвете! Этот я бы сравнила с астериею на закате. Если бы хотела польстить. Красно-оранжевый цвет напомнил о моих любимых апельсинах из Мерида.

Пальцы разжались сами. Тонкие и короткие в сравнении с моими они вполне соответствовали этой маленькой ладони. Длинные, отполированные ногти, белая, с отчётливым рисунком голубоватых вен кожа

Я сглотнула. Ощущение ледяной тяжести в желудке меня отрезвило. Страх делу не помощник, в отличие от логики. На крики «Кто я?», «Где я?» и «Что произошло?» несомненно прибегут, а потом зададут эти же вопросы мне, чуть изменив формулировку. Тогда я точно окажусь в Главном госпитале Вандреркера, в отделении, из которого очень трудно выйти по собственному желанию.

Обстановка в целом не предполагала, что я находилась в бреду. Вопросы были лишь к телу. Об обмене телами я никогда не слышала, но и с теорией магии я была знакома весьма поверхностно, как и большинство людей. Возможно, процесс обмена протекает болезненно и похож на сердечный приступ, симптомы которого я тоже толком не знала.

Живая, в своём уме, но в чужом теле. С этим уже можно было работать, благо, появилась цель – занять-таки должность Сандра Берти. Для этого, во-первых, следовало выяснить, кто хозяйка этого тела. Во-вторых, узнать, где я нахожусь. В-третьих, найти своё тело. Этот пункт плана, как ни странно, представлялся мне самым простым. Вопрос «Что произошло?» я сочла праздным. Поэтому четвёртым пунктом я поставила возвращение себе собственного тела, а этого – законной хозяйке. Магические печати намекали, что она в подобных делах разбиралась лучше.

Я откинула одеяло и спустила ноги с кровати. Крепенькие такие ножки с узкими ступнями, не достававшими до пола добрые три ладони. Совершенно непохожие на те, к которым я привыкла, но такие прекрасные, потому что женские! Оказаться в теле мужчины было бы катастрофой.

Шорох за ширмой смолк.

– Госпожа Вирна! Наконец-то вы очнулись! – зазвенело за спиной. – Я сейчас же доложу об этом вашему жени супругу. Господин Реган будет очень рад!

Я оторвалась от созерцания ног и успела увидеть отражение в двустворчатых застеклённых дверях – звонкая незнакомка закрыла за собой дверь, ту самую, покрытую то ли резьбой, то ли декоративными накладками. Детали своей временной внешности мне не удалось разглядеть, но за стеклом я увидела широкую террасу, заканчивавшуюся каменной балюстрадой, дальше тёмной стеной стоял густой туман. В нём среди множества мелких, светло-жёлтых пятен, в расположении которых просматривалась чёткая система, строго по центру выделялись два купных и ярких. Я никогда прежде не видела этот пейзаж, но он казался смутно знакомым. Или напоминал о чём-то.

Домашние туфли из золотистого атласа, стоявшие возле кровати, выглядели слишком узкими. Мои теперешние ступни, может, и остались бы довольны ими, но проверять я не хотела. Основным и единственным достоинством изящных вещей слишком часто было их изящество. Проигнорировав обувь, я решительно встала, точнее, соскользнула на пол. Пол оказался приятно тёплым, а ткань сорочки неприятно скользнула по слишком чувствительной коже. Я поморщилась и повела плечами, разгоня мурашки. Что-то твёрдое проехалось по груди. Я машинально прижала предмет рукой и опустила взгляд. В треугольном вырезе сорочки я увидела подвеску в форме маленького ключика, довольно грубо сработанную и не из серебра, а из более тяжёлого металла. Станный выбор, с учётом обстановки спальни, разве что интерьером занимался кто-то другой.

– Ещё один праздный вопрос, – пробормотала я. Голос показался знакомым, но я тряхнула головой. Пора было разобраться с внешностью!

Мне требовалось зеркало. Зеркала вешали в гардеробных и ваннных комнатах. В стене, к которой примыкало изголовье кровати, – конечно же чёрного дерева! – я увидела две двери, по одной с каждой стороны кровати. За какой-то из них меня вполне могла ждать не ванная, а самая настоящая купальня.

Я направилась к ближайшей двери. Путь был короток и прост – пять шагов мимо прикроватной этажерки. Прохладный латунный шар легко поддался, а петли не скрипнули. К горьковатому запаху я уже привыкла, но сейчас он стал насыщеннее, а водная свежесть уступила сладковато-пряным нотам. Комната озарилась светом, и я убедилась, что за цельным, толщенной в четыре пальца куском дерева, украшенным накладками – теперь я знала это точно – находилась просторная купальня с классическим круглым бассейном и, что было очень практично, с душем. И главное – огромное круглое зеркало в широкой резной раме висело над туалетным столиком, заставленным баночками и бутылочками, которые и являлись источником аромата.

Я плотно закрыла за собой дверь и повернула щеколду. Хотелось бы верить в тактичность новоиспечённого мужа по имени Реган, но сейчас я нуждалась в уединении. Мысли не исчезли из головы, наоборот, они хлынули потоком! Печати, Вирна, Реган, брак настолько «свежий», что горничной непривычно называть жениха мужем, вид за окном, голос Ладонь соскользнула с ручки и сжалась на левом запястье. Под тканью отчётливо прощупывалось ажурное плетение широкого браслета. Я поддёрнула рукав, чтобы убедиться, точнее, впервые так близко увидеть «украшение», превращавшее мага в человека. Браслет выглядел в точности, как на картинках в учебнике – извивы тонкой проволоки бледно-золотистого сплава, который использовали маги, складывались в символы печати, блокирующей доступ к магии.

Нужда в зеркале отпала. Я уже знала ответы на самые важные вопросы.

Кто хозяйка тела?

Вирна Марино.

Где я находилась?

Всё ещё в Вандреркере, только в Золотом городе.

Кто должен был войти в спальню?

Реган ар Рево. Вряд ли многие помнили его имя, потому что последние девятнадцать оборотов в Вандрертере, как и во всём мире, лицо и голос ордена Щита, ордена магов, называли исключительно по должности – скутум смерти.

– Самая ожидаемая свадьба за последние четырнадцать оборотов, бестия меня задерит, – прошептала я, прижимаясь лбом к двери.

Вирне Марино, третьей невесте скутума смерти, удалось таки дожить до свадьбы. Оставалось надеяться, что и пережить её она смогла.

Глава 2

Побывать в Золотом городе – мечта многих, оказаться в теле мага, пусть и с заблокированной магией, – мечта идиотов, а поменяться телами с женой скутума смерти – это

Громкий стук заставил отшатнуться от двери, и только потом я сообразила – стучали не в дверь купальни. Я ждала, что звук повторится, но десять секунд спустя в спальню кто-то вошёл.

– Где она? – Голос скутума смерти звучал почти так же, как по радиэфону или через спектар.

– В купальне.

Я ожидала услышать звонкую горничную, но скутуму ответил мужчина. Быстрота его ответа и уверенность удивили. Вариантов ведь было три, если исключить совсем уж безумный – «спряталась под кроватью». С другой стороны, я не знала Вирну Марино, и не могла судить, насколько очевидным или неочевидным выбором для неё стала бы купальня.

Скутум хотел получить достоверную информацию о том, где его супруга, и он её получил. В чьи обязанности входило предоставлять ему достоверную информацию? Конечно же, в обязанности его бессменного секретаря, эль Рево. Если я правильно помнила, его звали Леф.

Дверь закрылась. Шаги и шорохи подсказали, что скутум устроился в кресле. Любому, кто следил за новостями по спектару, не составило бы труда представить его позу – неестественно прямая спина, чуть опущенный подбородок и переплетённые пальцы, лежавших на столешнице рук. Интересно, Леф эль Рево и сейчас встал за его спиной, заложив правую руку за спину, а левую ладонь положив на эфес армейского тесака? Кажется, он носил именно его.

Я сделала шаг назад и покачала головой. На фоне очередного потрясения, третьего за слишком короткий промежуток времени, фантазия разыгралась не на шутку. Я физически не могла услышать, как скутум смерти усаживается в кресло. И места за ним секретарю не хватило бы. Секретарю в принципе было не место в спальне Вирны Марино.

Я развернулась и подошла-таки к туалетному столику, если так можно было назвать этого монстра из цельного куска мрамора. Разведя руки пошире, я упёрлась ладонями в столешницу и посмотрела в зеркало. Внешность Вирны я бы назвала экзотичной, если бы хотела польстить. Больше подходило выражение «на любителя». На очень-очень-очень большого любителя, особенно с учётом её телосложения. Узкое лицо с маленьким, круглым подбородком, тонким, острым носом, бледными губами и очень высокими скулами – ничто из этого не помешало ей стать невестой и женой скутума смерти. А невероятная магическая мощь, даром, что недоступная для использования, но передающаяся по крови, этому весьма способствовала. Принадлежность к магическому племени выдавали глаза – чуждым разрезом, который никогда не увидишь у чистокровных людей, и золотым цветом радужки. Она выглядела особенно яркой в обрамлении густых, неправдоподобно длинных ресниц, более тёмного оттенка, чем волосы. А широкие дуги бровей оказались апельсинового цвета. Я всегда думала, что Вирна Марино – тёмная блондинка. Спектары не передавали цвет. Картинка, которую они транслировали, была чёрно-белой, а из всех интервью с девушкой я запомнила лишь одну повторяющуюся фразу: «Я благодарна судьбе и своему опекуну за всё».

Я по привычке тряхнула головой, чтобы избавиться от ненужных мыслей. Волосы тут же упали на лицо. Это начинало раздражать. Оставалось надеяться, что долго с этим мириться не придётся. Я отвела пряди от лица и только сейчас заметила кольцо на большом пальце правой руки.

Брачные кольца, как в Ноэсе и в Абриго, в Вандрертере не носили, зато маги носили кольца-зароки. И это кольцо было очень похоже на них. Оно представляло собой тонкий ободок, покрытый сеточкой неглубоких царапин. Его цвет был чуть темнее, чем у браслета-ограничителя, словно металл содержал больше примесей. Видимо, кольцо сделали давно. Быть может,

в конце Тёмных Времени, потому что уже в начале правления императора Альбина Первого металлургия сделала колоссальный шаг вперёд благодаря помощи магов земли, воды и огня.

Я знала, что последствия от досрочного снятия такого кольца бывают разными, вплоть до смертельного исхода. Такой исход могло обеспечить и нарушение зарока Определённо, стоило вернуть своё тело как можно скорее. Аргументы «за» множились едва ли не ежеминутно.

- И что это было? – Вопрос секретаря прозвучал негромко, но отчётливо.

- Не сейчас, – произнёс скутум так же тихо.

Я не ожидала, что в резиденциях Золотого города настолько хлипкие двери! А на вид вроде бы дуб.

- Она человек, – немного невпопад, как мне показалось, заявил секретарь.

- Она маг, – ответил скутум.

- В браслетах, – тут же последовало уточнение.

- Подходящий артефакт в её руках будет работать также, как и в руках мага.

Скутум опасался, что Вирна услышит их беседу на тему «Что это было»? Речь, очевидно, шла о происшествии во время торжественной части свадьбы, которое стало причиной моего появления в теле Вирны.

–

Реплику секретаря я расслышала прекрасно, и по интонации поняла, что он задал вопрос, вот только язык был мне незнаком. Помимо родного для каждого вандрертерца треслина я говорила на волю и стараниями деда, иммигранта из Абриго, знала не только диалект лагузу, сформировавшийся после второй Зонийской волны, но и высокий лагузу, на котором говорили в Лагу. Марвари – третий язык дипломатии – я неоднократно слышала, и секретарь высказался не на нём.

- Да, это была шутка. Где твоя догадливость, Леф? – спросил скутум, проигнорировав упреждения своего секретаря в лингвистике. – Я не хочу сейчас об этом говорить.

Если моё воображение не разыгралось вновь, то скутум глубоко вдохнул и выдохнул.

- Всё равно придётся. С главой Ордена уже сегодня. Можешь потренироваться на мне. Или речь ещё не готова?

Обычно высказывание в таком духе, сделанное в присутствии начальства, заканчивалось увольнением смельчака. Если до этого до сих пор не дошло, то эти двое были друзьями, несмотря на официальный статус начальника и подчинённого. К тому же я не могла придумать ни одного «официального» повода, который объяснил бы присутствие секретаря в спальне супруги скутума.

- Боишься, я что-то упущу?

- Я боюсь, что Вирна может стать проблемой.

- Стала бы, если бы не пережила свадьбу. Серкиус первым обвинил бы Орден в коварном убийстве и заявил, что мы пожертвовали сильным магом подходящей крови, потому что воспитанием занималась благородная семья. Однако Вирна жива, и Серкиус не станет задавать вопросы. Отсутствие убедительных доказательств его причастности к гибели Райсы сделало его невиновным в глазах закона, но не Ордена. Серкиус это понимает.

- Да, доказать причастность Серкиуса без ментального воздействия

- к которому не способны маги ни одной из стихий, – подхватил скутум.

- или без особых зелий от магов жизни

- которые запрещено давать людям.

- не удалось, – закончил секретарь. – Но, Реган, ты неправ. Вирна может стать проблемой.

- Объяснись.

- Я имею в виду её проект закона.

- Очень толковый проект. Вложение Маринэ в образование воспитанницы окупилось. Юридический факультет Академии, насколько я помню, причём Гемматийский филиал. И кон-

сультантов для экономической части он нанял толковых. Именно из-за этой части проект и не примут. По крайней мере в этом году. Бюджет согласован. В нём не найти прорву свободных денег, которая требуется. По этой же причине, к слову, будет отклонён и мой проект. Аргументов – ноль, цифр слишком мало, а те, что есть, слишком большие. Однако Орден не видит угрозы в сложившейся ситуации. Алтея ар Эспо ни разу не упомянула о праве вето и вряд ли о нём заговорит. Запретить реорганизацию системы приютов для отказников и беспризорников, параллельно предложив свой проект, равносильно политическому самоубийству.

– Я не удивлюсь, если к поиску консультантов приложил руку старинный друг Маринэ.

– Снова Серкиус Ты становишься мнительным, Леф.

– Реган, я не знаю, в чём Орден видит угрозу, но тебе точно не стоило сбегать с последнего заседания Совета!

– Я помню регламент. После моего ухода голосований не поводили. Я не мог сидеть и слушать, как господа изощряются в остроумии дуг перед другом, когда меня к спектару внезапно пригласил министр горнодобывающей промышленности Ноэса. Наш министр меня приятными известиями радовать точно не станет, и я решил послушать его зарубежного коллегу.

– Так вот что было в той записке Ты мне не сказал!

– Забыл.

– Значит, не порадовал.

– Не порадовал. И в качестве бонуса господин Дит попросил о сущем пустяке.

– Уменьшить для Ноэса торговые пошлины по его ведомству? Тебя?

– Да. И да. Так что там было после моего ухода?

– Ты пропустил обсуждение второго проекта Вирны. О запрете родителям надевать браслеты-ограничители на детей-магов.

Повисла долгая пауза. Я почти поверила, что спальня пуста, а весь разговор – плод моего воображения, когда скутум наконец произнёс:

– Обоим родителям?

– Да, Реган. Напомню, у тебя, то есть у Ордена, право абсолютного вето. Ты понимаешь, что это значит?

– И почему наши предки решили, что это отличная идея, – пробормотал скутум. – В любом случае, вынести на голосование эту инициативу при наличии первого проекта – самоубийство уже для членов Совета.

– Реган, минувшее заседание было закрытым, а следующее, на котором будет голосование, объявлено открытым! И в новостях не раскрывают сути проекта Вирны. Я проверил газеты и просмотрел записи новостных выпусков и интервью.

– Орден должен об этом знать, – сказал скутум таким тоном, каким сообщил бы, что за сезоном Цветения придёт сезон Тепла.

– Да?! А почему об этом не знаешь ты?

– Тебе известно, чем я был занят. Со мной общались даже не по телефону, а записками.

– И ни в одной из них не сообщалось, что делать с этой инициативой Вирны?

Скутум не ответил. Секретарь не стал ждать, когда тот соберётся с мыслями.

– С прессой оппозиция работает лучше. Император ведёт себя тихо и учтиво, словно до сих пор считает себя наследником Альбины. Орден молчит, но Вирне через час после заключения брака внезапно становится плохо.

– Ты же не собираешься обвинить в этом Орден, Леф? Проект уже внесли на рассмотрение. Теперь неважно, жив его автор или нет.

На сей раз промолчал секретарь.

– Леф, Орден не трогает людей.

– Реган, вода и ветер пятый век точат камни в озере Турис, и люди в большинстве своём не знают, к чему это приведёт. А Вирна – маг. Ты сам сказал.

– Сказал. Только она успела пережить всего три оборота, когда на неё надели браслет. Орден даже оставил ей фамилию, придуманную Маринэ. Леф, я склоняюсь к версии, что Вирна переволновалась. Маринэ упоминал о её чувствительной натуре.

– Чувствительной? До остановки сердца?! Вирна не в обморок упала, Реган!

– Чувствительная, до потери памяти на фоне потрясения. Именно это случилось с ней в детстве. И, будь добр, говори тише. Как она там?

- С ней всё нормально, – огрызнулся секретарь, сбавив тон.

Я вновь поразила его уверенности. С физическим состоянием он угадал, но то, что творилось у меня в голове Услышанное мне не понравилось. К бестиям политику, как только я верну своё тело, она перестанет меня касаться, а вот до этого момента Изображать Вину я не смогу. Я о ней ничего не знаю. Скутум, кажется, видел только досье, предоставленное Орденем, и чаще беседовал с благородным Флави Маринэ, чем с невестой, но эль Рево Вряд ли он знал о Вирне больше друга, однако переживал из-за неё сильнее. Его бдительность могла выйти мне боком.

Я всмотрелась в своё временное отражение: лицо сосредоточенное, взгляд напряжённый. Да, не так должна выглядеть двадцатипятилетняя девушка, перепуганная внезапным недомоганием!

Как она должна выглядеть? Вопрос не ко мне. Я на протяжении десяти оборотов давала рекомендации по инвестициям крупным организациям, а последние пять – управляла их инвестиционными портфелями. Когда каждый день оперируешь такими суммами, о которых девятью девятью процентов населения Вандрертера не сможет подумать без дрожи в голосе и учащённого сердцебиения

Сердце

Чувствительная натура

Потеря памяти!

Я выпрямилась, ощутив готовность выйти из купальни.

При моём появлении скутум поднялся с кресла и одёрнул камзол, расшитый узорами, составленными из магических символов – «парадный» вариант печатей. Вышивка чёрным по чёрному. Он остался верен себе даже на свадебной церемонии? Или уже успел переодеться?

Взгляд золотых глаз скользнул от моих босых ступней до лохматой макушки и остановился на глазах.

Секретарь скутума медленно отлип от стены между креслом и дверью. Его взгляд проделал тот же путь, что и начальственный, но медленнее. С волос опустился к губам, а потом скользнул в сторону. Кто-то замечтался и не хотел быть пойманным на этом или смутился?

Я посмотрела вниз Определённо, одинокая жизнь накладывает свой отпечаток на привычки. На одежду Вирны я не обратила внимание. Айну не интересовало, в каком виде я расхаживала по квартире. Её волновало, чтобы миска вовремя наполнялась едой.

Сорочка, в которую Вирну обрядила горничная, говорила об оптимизме последней. Верить, что после остановки сердца кто-то будет готов исполнить супружеский долг – для каких-либо иных целей кроме услады мужских глаз эта тряпка не годилась – верх оптимизма! Или глупости.

Я обхватила себя руками. Люди ведь делают так от страха? На всякий случай я уставилась в пол. После услышанного я сомневалась, что Вирна была такой уж скромницей и тихоней, но ситуация в целом располагала.

– Как вы себя чувствуете? – осведомился скутум, и я тут же представила себя на месте того же благородного Витора Серкиуса, когда его реплика заслужила комментарий со стороны Ордена.

Секретарь откашлялся. Просил проявить больше такта? Или намекал на неуместность вопроса?

Вместо ответа я произнесла, не поднимая глаз:

– Вы skutum смерти.

– Мы договорились называть друг друга по именам, – несколько мягче произнёс skutum.

К концу фразы его голос сел. Наверное, связки подвели из-за скромной практики в использовании подобного тона.

Я проигнорировала напоминание, которое в моём случае являлось уведомлением, и кивнула в сторону секретаря:

– Ваш секретарь.

– Да он – skutum запнулся.

Я не выдержала и посмотрела на него, а он – с удивлением?! – смотрел на своего секретаря. Прелестно! Skutum смерти не мог объяснить, какая бестия занесла его друга, то есть секретаря, в спальню его жены! Жаль, я не располагала временем, чтобы сполна насладиться историческим моментом.

– Горничная сказала, что меня зовут Вирна. Из её же слов я поняла, что мы супруги.

– Церемония состоялась сегодня в обед, – уже привычным замороженным голосом сказал skutum. – Вы знаете, где находитесь?

Сообразил! Приятно узнать, что тот, от кого бросает в дрожь девяносто процентов населения мира, не просто чужие слова повторяет, а ещё и думать умеет. Что же касалось остальных десяти процентов – они просто не интересовались политикой.

– Вирна! – позвал skutum.

Я вздрогнула. Не наигранно. Не стоило вспоминать про всеобщие дрожь и трепет, наверное.

– В Золотом городе, – ответила я.

– Вы помните, как сюда попали?

Я покачала головой. Волосы снова полезли в глаза, но я лишь крепче сжала пальцы на плечах. Это тело мне не принадлежало, и я несла за него ответственность. Я и так показала больше, чем было уместно.

– Вы помните, кто

– Я не узнала своё отражение в зеркале, – солгала я и тут же услышала характерный стук, с которым сталкиваются зубы.

– Печально это слышать. – Skutum так быстро взял себя в руки, что я не успела почувствовать его зубам. – Уверю, сейчас вы в полной безопасности. Я приглашу лекаря и целителя. Они зададут вам несколько вопросов. Возможно, осмотрят и дадут рекомендации. Я – ещё один взгляд в сторону секретаря, – мы не будем вам мешать. Отдыхайте. Думаю, в следующий раз мы увидимся не раньше завтрашнего вечера.

Предложение меня полностью устраивало, и я согласно кивнула.

Когда дверь за посетителями закрылась, я разрешила себе выдохнуть – мысленно, конечно же! – и заправила волосы за уши. Я не принадлежала к числу тех, кто станет утешать себя бестолковым «всё пошло не так уж плохо». Мне показалось, skutum понял, что я вру, но не понял в чём именно и не стал давить. А его секретарь удивил. Он, конечно, видел в Вирне проблему с точки зрения политики, но

– Не только проблему, и не только в политике дело...

Глава 3

Мне предстояло продумать план поиска Вирны и пережить ещё один раунд переговоров, поэтому я решила проветриться. Ставив с кровати шерстяное покрывало, я набросила его на плечи и влезла-таки в атласное недоразумение, оказавшееся на удивление удобным. Появление в таком виде у озера Турис в начале четвёртой декады сезона Цветения, когда в империи и сезон Тепла теплом не радовал, я бы не назвала хорошим решением, но всё же вышла на террасу. Холода я не почувствовала, только приятную, влажную свежесть – очередные магические штучки.

Туман истончился до дымки, золотистой от огней. Стало заметно чёткое разделение внутреннего города на сектора. Их было шестнадцать. В сумерках границы между секторами выглядели сплошными серыми линиями, но при свете астерии становилось видно, что это пока ещё голые деревья, зелёная вуаль вокруг них должна была появиться декады через две.

Золотой город – внутренняя часть Вандреркера – самое закрытое место в империи. Здесь располагались резиденции всех шести скутумов. Конечно, было бы уместнее начать перечисление с императорской семьи и домов пяти благородных семейств из старой знати, которые вели свой род со времён первой Зонийской волны. Однако внутренний город нарекли Золотым, потому что здесь собрались самые сильные маги мира, а магия, как известно, золотого цвета. Недаром у всех магов были золотые глаза.

Что касалось знати, то некоторые историки наотрез отказывались причислять к старой дом Друзас. После окончания Тёмных Времён Альбин Флавиус взошёл на престол Вандрертера, а сыну сестры передал управление провинцией. Я не верила, что на решение повлияли особо тёплые родственные чувства или управленческий талант Маркела до Друзаса, прожившего на тот момент всего семнадцать оборотов. Вероятнее всего, Флавиус следовал договорённости со знатью и Орденом и обменял земли на венец.

Четыре сектора Золотого города занимали кабинеты и залы для официальных мероприятий и торжеств. Эти сектора, как и выделенные ордену Щита, были самыми скромными по размерам и «узкими», но в отличие от остальных двенадцати имели один вход. Он же являлся выходом. В Золотом городе экскурсии гостям не предлагали, даже если они заседали в Совете Вандрертера и относились к благородным фамилиям новой знати.

Было странно смотреть на Золотой город со «дна» каменной чаши, которую по сути представлял собой Вандреркер. Я привыкла к виду сверху. В обеденный перерыв я через окуляр на смотровой площадке Верхнего города, когда-то принадлежавшей столичному гарнизону, наблюдала за птицами в озере Турис. Они вились вокруг шпилей Великих башен по спиральям – сначала вверх, потом вниз. Характер движения не был единственной странностью. В стаи сбивались птицы разных семейств. Эти феномены нигде не объяснялись, но все считали это магической аномалией – печати покрывали склоны озера, а также шпили Великих башен. Башни почти пятьсот оборотов назад создали маги в честь общей победы над Странником и его Зверем. Это были самые высокие на тот момент сооружения Семиземелья. Вокруг башен маги и соорудили каменную чашу и высекли на ней свои символы. В чашу пустили Феруму, разделив реку на Верхнюю и Нижнюю. Так появилось озеро Турис.

Башни простояли недолго, спасти удалось лишь шпили. Магия воздуха до сих пор удерживала их парящими над руинами, обвитыми толстыми ветвями. Считалось, что ветви не живые, но и не мёртвые, потому что они никогда не покрывались листвой, но и не гнили.

Я вздрогнула от птичьего крика – его редко услышишь в столь поздний час – и присмотрелась. Едва заметные, тёмные точки кружили вокруг шпилей.

По спине пробежали мурашки то ли от добравшегося-таки до меня ветерка, то ли от восхищения человеческой фантазией, сумевшей сделать архитектурный памятник частью фольк-

лора. В сказках вернейшим способом избавиться от Зла считалось запереть его под камнем, защитить огнём, ветром, текущей водой, жизнью и смертью.

Птичий крик стал громче. Мне даже показалось, что я услышала участившееся хлопанье десятков крыльев. С одной стороны, это было невозможно, поскольку чаша озера была огромна, и шпили располагались в самом её центре. С другой стороны, это действительно была чаша, и звук мог резонировать. Зашумела вода, словно кто-то принялся взбивать её гигантским венчиком, или это Ферума ускорила свой бег. В огонь под шпилями будто плеснули топлива. Щедро плеснули – хватило бы на дневную смену всем поездам Вандреркера! Пламя высоко взметнулось. Руины башен, воду вокруг них и ветви вызолотило. Я услышала странный звук, похожий на шум прибоя или синхронный выдох множества людей. Потом всё успокоилось, и забили часы. Я обернулась. Звук доносился из открытых дверей помещения, расположенного через одно от спальни Вирны. Я насчитала одиннадцать ударов.

Обычно в это время я слушала последний выпуск новостей, выключала радиодфон, который скрашивал нам с Айной вечера, и ложилась спать. В последние дни дикторы с без конца говорили о свадьбе скутума, точнее о свадьбе воспитанницы благородного Флави Маринэ. Шума подняли больше, чем две декады назад, когда императрица Альбина передавала венец своему сыну.

Обычно браки скутумов не освещали. Впервые об этом в общем-то рядовом событии Орден заговорил четырнадцать оборотов назад. Тогда же озвучили список требований к невесте скутума: возраст, образование, уровень магии, клановая принадлежность. Выбор матери или отца будущего наследника или наследницы престола выглядел проще. Кандидатов искали среди семей старой знати, проверяли их на степень кровного родства, учитывали личную симпатию будущих супругов и объявляли решение.

Первая претендентка на роль – на язык так и просилось слово должность – супруги скутума соответствовала всем параметрам. Девушка у неё было странное имя, очень редкое. Она, кажется, родилась на крайнем западе Форесты. В Семиземелье эти территории по очевидным причинам называли Озёрным краем. Девушка, как и большинство жителей тех мест, умела и любила плавать, но утонула незадолго до церемонии. Омуты коварны, что ещё сказать.

Смерть второй претендентки семь оборотов спустя вызвала вопросы и подозрения не только у Ордена. Даже его верные противники назвали случившееся провалом благородного Витора Серкиуса. Новоиспечённый председатель Совета Вандрертера заявил, что брак с Райсой ар Рево повредит монополии Вандрертера на магию. Скутум смерти напомнил, что монополией на магию обладает орден Щита, и заверил, что наличие в родословной его невесты деда родом из Ноэса никоим образом монополию не нарушит.

Тогда Серкиус зашёл с другой стороны. Он настоял на проверке здоровья невесты лекарем, дабы тот подтвердил заключение целителя Ордена. Серкиус заявил, что брак скутума должен принести плоды, поскольку это прописано в его рабочем контракте. Контракт, как выяснилось, был трёхсторонним: и с Орденем, и с империей. Я уверена, изначально этот пункт был внесён Орденем, который ведёт довольно жёсткую демографическую политику и ещё более жёстко отслеживает родословные магов. В этом вопросе маги, конечно, сами себе головную боль придумали. Они оставили лишь пять клановых фамилий и к ним – две приставки непонятного значения. Поскольку в обычной жизни маги не настаивали на обращении по фамилии, удовлетворяясь именем и вежливым «господин» и «госпожа», принадлежность к клану для них имела значение лишь при вступлении в брак. Внутривидовые, так сказать, браки были ещё и внутриклановыми.

Трудно поверить, что кого-то из людей кроме Серкиуса волновало соблюдение этого пункта, но формально он имел право использовать его в качестве аргумента. Орден не возражал, а лекарь лекарь заявил, что невеста бесплодна. Серкиус тут же обвинил Орден в попытке скрыть вопиющее нарушение контракта из-за личной симпатии скутума к невесте. Скутум от

лица Ордена выразил вежливое удивление открывшемуся факту и восхищение интуицией господина председателя, а от себя добавил, что на данный момент знаком с невестой исключительно на бумаге – по характеристике из её личного дела, к которому даже фотокарточка не прилагалась.

Серкиус поменял объект для нападков. Хватило пары фраз, и пресса начала обвинять Райсу в подлоге. А некто с явно нездоровой фантазией приравнял последствия её «проступка» к измене интересам империи. До сих пор помню, как Магна Эрн, моя бывшая подруга и коллега, смеялась, читая ту статью. Я её веселья не разделила, представив, какое давление испытывала Райса. Она наверняка не могла отказаться от «великой чести» и с ужасом представляла жизнь в Золотом городе – знать, протоколы, этикет Вряд ли её к этому готовили с детства, как будущих скутумов. И вдобавок к этому нелепые по своей сути, но обидные обвинения.

Скутум смерти попытался привести в чувство прессу. Он напомнил, что новость – это такая штука, в которой излагают факты, а фантазиям место на страницах романов, и заявил, что в сложившихся обстоятельствах о свадьбе речь уже не идёт. Однако травля не прекратилась, и история закончилось печально, но, как ни странно, поучительно.

Райсе выписали лекарства от тревожности и нарушения сна. Официальная версия следствия гласила, что бедняжка случайно, потому как предсмертную записку не нашли, превысила дозу снотворного. По требованию Ордена провели вскрытие, и выяснилось, что Райса могла таки родить ребёнка. «Случайное» превышение дозы юристы Ордена обернули на суде против обвиняемых, представив рассеянность погибшей как ухудшение её самочувствия, несмотря на интенсивное лечение. На скамью подсудимых Орден посадил и лекаря, сделавшего заключение только на основе данных лаборатории главного Вандреркерского госпиталя, и лаборантов, всех шестерых, в смену которых якобы произошла путаница с образцами крови, и десяток газетных писак. Обвинение было одинаковым для всех: осознанные действия, нанёсшие непоправимый урон репутации и повлекшие смерть. Юристы Ордена не позволили адвокатам смягчить формулировку на «халатность» и «действия по неосторожности».

Серкиус, если он являлся организатором травли, позволил скормить Ордену семнадцать человек, и, наверное, лишь по этому не лишился должности. Альбина Первая тоже оценила соотношение семнадцать жизней за одну и на заседании внеочередного Императорского совета озвучила несколько «идей», которые меньше, чем за оборот, стали законами. Теперь в Вандрертере были самые нейтральные и этичные средства массовой информации, а протоколы работы лабораторий, в частности с образцами биологических материалов, привели в соответствие стандартам Ордена.

С Вирной Марино не могло случиться несчастий, постигших её предшественниц. Орден одобрил её кандидатуру, едва получил предложение, а Флави Маринэ в качестве опекуна стал лучшей рекомендацией для оппозиции магам. Политические деятели активно создавали информационный шум, а наши «независимые и этичные» не могли их игнорировать и все цитаты шли в эфиры и печать. О скутуме никто из жаждущих блеснуть, чтобы потом попасть в советы разных уровней, не сказал ни слова. Создавалось впечатление, будто некий бестелесный дух собрался сочетаться браком с Вирной. Именно на неё «жаждущие» обрушили потоки мёда и сиропа, восхваляя благотворительную деятельность и политическую активность. Вирну называли мостиком между мирами людей и магов.

О благотворительности Вирны я, если и слышала, то ничего не запомнила. Что касалось политики, то тут Вирна напоминала мне бульжник на шее скутума: один законопроект не ко времени, другой – непродуман. Межмировым мостиком Вирна, на мой взгляд, тоже не являлась. Она была магом по крови и всего лишь воспитанницей благородной семьи, поэтому её брак со скутумом нельзя было воспринимать как уступку запрету на союзы между знатью и магами. Хотя я подозревала, что запрет касался не самих браков, а рождения общих детей, и

наверняка регулировался кольцами-зароками, иначе Ордену не удалось бы сохранять независимость так долго.

Возможно, я была несправедлива к Вирне и я точно ей завидовала. Она получила всё, что имела, благодаря удаче, а не труду, просто попав в «добрые руки». Я по-прежнему воспринимала её как куклу. Правда после подслушанного разговора между скутумом и его секретарём Вирна в моих глазах эволюционировала из фарфоровой статуэтки до марионетки.

И теперь я была уверена – очнувшись в моём теле, она не впала в истерику, не задавала опасные вопросы и не требовала доставить её в Золотой город. В моём портфеле лежали документы и деньги. Вирне не составило труда узнать моё имя и добраться до моей квартиры. Если она чувствовала себя также, как и я, то Айна уже сыта и немного растеряна поздним возвращением кормилицы и её странным поведением.

Завтра в семь утра на домашний телефон позвонит Сандр Берти и спросит, где меня бестии носили. Я бы на месте Вирны сослалась на плохое самочувствие, отказалась выйти на службу и осталась в квартире. Ведь Ветту Ферро никто никогда не пустит в резиденцию скутума.

Утром я собиралась поехать к себе, но перед этим планировала заглянуть в одно место. Просто удостовериться. Оно очень удачно располагалось по пути.

– Госпожа Вирна, пришли целитель и лекарь, – донёсся из-за дверей звонкий голосок.

Я вернулась в спальню.

– Вы не переделесь! – заволновалась горничная, молоденькая, пышная в нужных местах золотистая блондинка, ростом не выше Вирны. – Я согрею для вас молоко с мёдом и ромашкой, – пообещала она и полетела к двери.

Заботу я оценила, а напиток решила изменить:

– Я бы предпочла вино со специями.

– Так тоже можно, – поддержал меня лекарь, но горничная уже убежала. Моё распоряжение оказалось приоритетным. Это не могло не радовать.

Гостей на фоне энергичной девушки я не заметила. Теперь рассмотрела и могла сказать, что для описания их внешности больше всего подходило слово располагающая. Кто из этих двоих лекарь, а кто целитель можно было определить лишь по глазам: камзол и платье были расшиты печатями одинаково густо.

– Кто вы? – спросила я. Более вежливую формулировку мне придумать не удалось.

– Берто Жаннини, – охотно назвал себя лекарь и, что было приятно, не стал тянуться к моей руке. – Это моя коллега из Ордена.

– Лестина ар Гальпо, – представилась целительница.

– Рада знакомству.

Ответом мне стало молчание.

– О! – вырвалось у меня. – Мы уже знакомы.

Гости синхронно кивнули.

– Тогда вам понятно, в чём моя проблема.

– Скутум смерти сообщил нам о своём предположении, – уклончиво ответил лекарь.

– Что последнее вы помните? – спросила целительница.

– Последнее – Поскольку я не могла соврать ничего правдоподобного, решила придерживаться прежнего варианта. – Мне трудно ответить на ваш вопрос, госпожа Лестина. Лицо в зеркале я не узнала. Комнату, в которой очнулась, – тоже.

Мне показалось, что лекарь и целительница с трудом сдержались, чтобы не переглянуться, – их плечи и шеи напряглись весьма характерно.

– Однако я вполне понимаю, где нахожусь и что происходит. В целом.

– Что вы имеете в виду? – уточнила целительница.

– Я в Вандрертере. Точнее, в Вандреркере. Ещё точнее, в Золотом городе. Сейчас правит Леон Четвёртый. Кто такой скутум смерти я знаю. Могу продекламировать что-нибудь из классики.

– Но о браке вы забыли, – сказал лекарь.

– О том, что скутум смерти собирался жениться, я помню.

– Вам кажется, что вы не Вирна Марино? – спросила целительница.

О нет! В специальное отделение главного госпиталя Вандреркера я не хотела!

– Я в принципе не помню, кто я.

Дверь в спальню распахнулась, впуская золотисто-чёрный вихрь, который остановился возле меня:

– Ваше вино, госпожа Вирна!

Скорость, с которой горничная выполнила поручение, давал основания предположить, что она была либо магом воды, либо огня.

Я взяла с подноса бокал. Целительница посмотрела на него с неодобрением и спросила:

– Вы помните о цели брака скутума смерти?

Я вздохнула. Красное. Хорошо, если после второго глотка на языке останется хотя бы вкус пряностей, а не одна лишь горечь алкоголя. Тут я вспомнила, что нахожусь не в своём теле, способном вкушать лишь белые вина, и сделала осторожный глоток. Яркий букет вкусов заставил меня прикрыть глаза. Это был восторг!

– Госпожа Вирна, вам плохо? – забеспокоилась целительница.

Я неохотно открыла глаза, качнула головой и ответила на предыдущий вопрос:

– Я даже помню о скандале со второй невестой скутума смерти. Однако в моей ситуации неэтично поднимать вопрос о рождении ребёнка, вы не находите?

Лекарь и целительница всё же переглянулись. Да, мои дорогие, если человек способен рассуждать об этике, с головой у него всё в порядке. Более или менее.

Я сделала ещё один глоток и с трудом удержалась, чтобы снова не зажмуриться. Терпкие вишнёвые ноты вина, пряно-жгучая корица, прохладно-дымный кардамон и ненавязчивая сладость цветочного мёда Вирна могла бы сделать отличную карьеру, дегустируя вина.

– Очевидно, скутум смерти был прав, когда предположил, что ваше состояние обусловлено нервным потрясением, – сказал лекарь.

– Амнезию вам уже диагностировали, – добавила целительница.

Видимо, это должно было меня успокоить. Я не думала, что моё пребывание в Золотом городе затянется, но решила уточнить:

– И как? Она прошла?

– Простите? – растерялся лекарь.

– Амнезия. Она прошла?

Лекарь и целительница во второй раз обменялись взглядами.

– Нет, – ответил лекарь.

– Чудесно, – пробормотала я после третьего глотка.

– Госпожа Вирна, вам не стоит беспокоиться! – заверила меня целительница. Её тон и в самом деле отлично подходил для убеждения и успокоения. Вот только она неправильно меня поняла. Чудесным я признала вино, а не печальный факт биографии Вирны Марино.

– Я выгляжу обеспокоенной?

И снова обмен взглядами.

– У вас потрясение, – лекарь нашёл с объяснением моему равнодушию.

Да Такое потрясение, что сердце остановилось.

– Скутум смерти сказал, что я в безопасности.

– И он совершенно прав! – заявила целительница.

– Вам стоит поберечь себя и больше отдыхать, – сказал лекарь.

Гости перешли к последнему этапу визита – к раздаче рекомендаций?

– Не пытайтесь ничего вспомнить, – целительница подтвердила мою догадку и вернулась к утешениям: – Память вернётся сама, когда вы будете готовы.

Память Вирны Марино могла вернуться лишь вместе с хозяйкой этого тела. Я же планировала приложить все усилия, чтобы это случилось уже завтра. Вирна должна была как минимум понимать, почему и как произошёл обмен.

Глава 4

6415 оборот Астерио, Сезон Цветения, 2 день 4-й декады

В спальне не было часов. Кто-то позаботился, чтобы сон супруги скутума смерти был здоровым и крепким. Я нашла это милым, однако предпочла бы знать точное время. Обычно я вставала в шесть, а в выходные дни – в начале седьмого. Посещение ванной, сегодня – купальни, всегда занимало пятнадцать минут.

За стеклянными дверями виднелась угольно-чёрная хмарь, расцветенная всё теми же мутными, бледно-жёлтыми огоньками. Выход на террасу не помог бы определиться со временем, но я всё равно вышла. Раннее утро выдалось свежее позднего вечера. Возможно, так всегда бывало на озере Турис. Возможно, погода поменялась. Возможно, дело было в шёлковом халате, надетом на голое тело. Он не мог служить равноценной заменой сложенному в два слоя шерстяному покрывалу, которым я вчера воспользовалась вместо шали.

Я остановилась возле открытых дверей, обхватив себя за плечи. Забили часы. Тише, чем вчера. Я повернула голову на звук – дверь была та же, но сегодня её не открыли. Я насчитала шесть ударов. Да, и такие ранние подъёмы у меня случались. Время я узнала, поэтому поспешила вернуться в тепло спальни.

Вчера никто не удосужился объяснить мне, как позвать горничную, и не сказал, в котором часу она придёт меня будить. Или ей велели ждать, пока я не проснусь сама?

Я тряхнула головой, но предусмотрительно заправленные за уши волосы остались на месте. С влажными после душа локонами справиться оказалось проще, чем со вчерашней пушистой копной.

Я посмотрела на дверь в гардеробную. Мне не требовалась помощь ни с выбором одежды, ни с тем, чтобы её надеть, – не в церемониальный же наряд я собиралась влезать. Проблему представляли лишь волосы. Дело было не желании соорудить из них нечто грандиозное, а в длине. Эта грива до бёдер могла по праву называться роскошной, если бы не сомнительный цвет. Сегодня он вызывал у меня ассоциации с лисьей шерстью. Так вот это великолепиие без постоянной практики или посторонней помощи даже в косу было не заплести.

Несмотря на уверенность в своей способности справиться с одеждой, дверь в гардеробную я всё равно открывала пусть и не с замирающим сердцем, но с немного дрожавшими руками. Я не знала, что увижу. Ох уж эти спектары и их монохромная картинка! Я любила все цвета, но вряд ли чувствовала бы себя комфортно в фиолетовом или ярко-зелёном. Опять же подвеска-ключик заставляла сомневаться во вкусе Вирны.

Дверь открылась. В лицо пахнуло привычным уже ароматом травяной зелени, видимо, от саше. От густого запаха я даже зажмурилась на несколько секунд, а когда открыла глаза, увидела прекрасно освещённую мечту столичной модницы. Меня поразили и количество вещей, и царивший в помещении порядок.

Слева висели вещи светлых оттенков: кремового, слоновой кости, пудрового, миндального Шерсть, шёлк, атлас, бархат Я провела пальцами по ближайшей блузе – даже лён! Всю одежду покрывала вышивка или в тон тканям, или чёрными, белыми и золотыми нитками. И снова это были не простые узоры, а печати. На верхней полке громоздились шляпные коробки разных, но скромных размеров. На нижних – стояли сумки и обувь, в основном чёрного цвета.

Вещи справа скрывали чехлы. Наклонившись, я приподняла низ ближайшего. Под ним скрывалось чёрное атласное платье, подол которого украшали печати из чёрного бисера. На втором платье, из плотной чёрной шерсти, они были выложены чёрным атласным шнуром. Третье тоже оказалось чёрного цвета, как и четвёртое, и пятое Я перестала проверять каждое, уже догадавшись, что не увижу других цветов, и не заметила, как дошла до последнего, без

чехла. Вид расшитого жемчугом кружева цвета сливок заставил меня отпрянуть. Сердце застучало в горле. Мне с трудом удалось устоять на ослабевших ногах.

– Простите, госпожа Вирна, я забыла убрать его в чехол.

Я вздрогнула и обернулась. В дверях гардеробной стояла горничная. Выглядела она не такой яркой и жизнерадостной как вчера. Голос тоже звучал глуше. Веки и кончик носа были бледными, но немного отёкшими. У некоторых такое случается по утрам постоянно, но чаще – от ранних подъёмов, если до этого не спать полночи. Или от слёз.

– Ничего страшного, – ответила я, старательно глядя на горничную, однако платье упорно белело на периферии зрения. Да, некоторые ошибки и провалы я не любила вспоминать, но, если честно, такой бурной реакции от себя не ожидала. Столько оборотов прошло Будет забавно, если причиной обмена телами с Вирной окажется пристрастие к ноэским кружевам и марваритскому жемчугу. – Уберёте позже. Это – я указала рукой в сторону платья.

– Это платье для официальной части свадебной церемонии, – подхватила горничная.

– Было платье и для торжественной части? – Я осознала бессмысленность вопроса, едва его задала. Тряхнув головой, я спросила: – Зачем понадобилось второе платье? Церемония не требует двух нарядов.

Горничная моргнула.

– Это платье, – она кивнула на вещь, растревожившую мою память и гордость, – с корсетом. На обеде вам в нём было бы неудобно.

Я невольно посмотрела вниз. Ткани на халат не пожалели, и тем сильнее было моё недоумение. Что в фигуре Вирны нуждалось в утягивании? И чьё это было мнение?..

Стоп! Диктор в новостях сказал, что гости уже сели за праздничные столы! Я подняла голову. Горничная оказалась рядом. На её правой руке, согнутой в локте, висел чехол. Я отошла в сторону, чтобы не мешать.

– Я не успела переодеться к обеду?

Девушка сняла вешалку с платьем. Под кожей на тыльной стороне ладоней проступили жилы. Держать платье на весу было тяжело.

– Помочь?

Горничная посмотрела на меня через плечо. Тонкие светлые брови поднялись домиком. Тёмные ресницы хлопнули три раза, и их обладательница медленно покачала головой.

– Вам стало плохо после церемонии, – сказала она, вернувшись к прерванному делу. – Кто-то из гостей сразу прошёл в трапезную. Кто-то задержался в галерее поздравить вас и господина Регана – Горничная запнулась и зачастила: – То есть скутума смерти. Я хотела сказать, скутума смерти!

Тот факт, что церемониальный зал и трапезная соединились галереей, ценности не представлял, а оговорка горничной выглядела любопытно.

– Как давно вы служите в резиденции скутума?

На этот раз горничная не замерла, но её пальцы разжались, и она едва успела подхватить вешалку.

– Меня наняли две декады назад. Однако вчера был мой второй рабочий день.

Девушка присела, чтобы поправить низ чехла.

– Какой у вас стаж работы на этой должности?

Горничная поднялась на ноги и обернулась. Быстрота и плавность её движений напомнили мне о воде.

– Два дня, если не считать сегодняшний, – ответила девушка и сжала губы так, что они побледнели.

Мои брови поползли вверх раньше, чем я в полной мере осознала своё удивление, крайнюю его степень.

– Ваша стихия вода или огонь? – поинтересовалась я, глядя в чужие глаза. Золото в них начинало плавиться.

– Жизнь, – процедила горничная. – Седьмая ступень.

Я потёрла лоб, хотя в пору было заняться ушами. Потому как магу жизни седьмой ступени было не место в горничных, даже в резиденции скутума. Возможно, персонал подбирали по принципу «всё лучшее – скутумам», но не седьмую же ступень! Скутум жизни находился, точнее, находилась на десятой! Мощь каждого скутума оценивалась на десятку!

– Если вас не устраивает моя работа, вы можете обсудить это с гос со скутумом смерти, – заявила горничная, вздёрнув подбородок, а потом добавила, будто опомнилась: – Госпожа Вирна.

– Если что-то в вашей работе перестанет меня устраивать, я в первую очередь поговорю об этом с вами. Я была приятно удивлена, как быстро вы вчера принесли напиток. Перед этим вы пообещали согреть молоко, вот я и сделала предположения относительно стихии.

Я специально зашла с «сахара», чтобы после до конца, без скандала и магических фокусов прояснить болезненный для этой вспыльчивой особы вопрос. Тактика сработала. Щёки горничной стали малиновыми, а радужка «застыла». Смущённая девушка отвела взгляд.

– Это привычка, – сказала она. – Я всё всегда делаю сама. Здесь на кухне работают маги огня и воды. Готовят они. – Снова пауза и: – Госпожа Вирна.

Я вздохнула. Да, привычки этой особы я бы назвала специфическими. В горничные с такими не идут.

– Почему вы решили поступить на службу в резиденцию скутума?

– Орден платит хорошее жалованье, – горничная посмотрела на меня и пожалала плечами.

– И место я искала лишь на – на оборвала себя и прикусила губу.

– На время?

Поблекший румянец на щеках девушки стремительно темнел, из малинового вскоре став почти свекольным. Горничная честно попыталась выдержать мой взгляд, но проиграла и уставилась в пол.

– Скутум смерти не ожидал, что его третья попытка жениться увенчается успехом, – уверенно произнесла я, но горничная не стала ни защищать скутума, который, как я поняла, официально не являлся её нанимателем, ни качать головой, ни кивать. – Я не удивлена. С учётом предыдущего опыта его можно понять. Даже со мной всё прошло не по плану. Как вас зовут?

Девушка подняла глаза.

– Кая ар Рево, – ответила она и добавила: – Раньше вы разговаривали по-другому.

Неожиданное, но полезное откровение! Возможно, я зря критиковала привычки и характер этой особы.

– Проще? – предположила я.

Кая медленно, будто неуверенно, кивнула и сцепила опущенные руки в замок.

Мне хотелось попросить её не принимать моё поведение на свой счёт. Разница в пятнадцать оборотов и столько же оборотов стажа общения с господами, которых обоснованно считали королями и царями в их областях – ещё бы Кая не почувствовала разницы! Я не только разговаривала «сложно», я уже давно «сложно» думала. По-другому я общалась лишь с Айной. Молча её гладила – и кормила, конечно же! – а она в ответ мурчала.

Кая, сама того не зная, дала мне совет, я же умела быть благодарной, а не только мстительной, как некоторые как многие считали.

– Подскажешь, где лежит бельё? – я едва заметно улыбнулась.

Услышав обращение на «ты», Кая выдохнула и расцепила пальцы. Уголки её губ дёрнулись вверх. Она развернулась к высокому и широкому, занимавшему всю стену напротив

двери, комоду. Чёрный трёхсекционный монстр выделялся на фоне светлого камня, но я умудрилась его не заметить, как того дракона!

– Бельё здесь, – Кая положила ладонь на крышку над ближайшей к ней секцией из пяти ящиков. – Следующий ряд – чулки и разные аксессуары – Кая пожалала плечами, – пояса, перчатки, платки, шали – Она подняла глаза к потолку, но не смогла вспомнить ничего нового и перешла к последней секции: – Крайний ряд с украшениями.

Пять ящиков украшений?! Я обернулась на расшитые платья. По-моему, вышивки было более, чем достаточно.

– В четырёх нижних лежат гарнитуры для торжественных случаев. В верхнем – броши, серьги, бусы, бархотки. Есть кольца и браслеты, но их мало. Кажется, вы их не очень любите. Ещё здесь есть ленты и нити для волос, а шпильки и гребни в купальне. Я могу помочь вам с причёской! – оживилась Кая.

Неужели Вирна справлялась с волосами сама?!

– Я буду благодарна за помощь.

– Сделать вам корону из кос? – воодушевилась Кая – Несколько локонов можно выпустить у висков, на затылке и

– Нет, – я решительно прервала полёт чужого вдохновения. – Локоны оставим для вечерних визитов скутума см... то есть супруга. – «И для Вирны», – добавила я про себя. – А идею с короной и косами я одобряю.

Кая несколько раз непонимающе моргнула, а потом покраснела, сообразив, о каких визитах шла речь.

– Как скажете, госпожа Вирна, – ответила она и потупилась, безуспешно пытаясь скрыть улыбку.

– Ты сможешь высушить мои волосы? Я их намочила под душем.

– Конечно, смогу!

– Прекрасно, – я осмотрела ряд светлых одеяний, подумала, а потом обвела его рукой.

– В этом ты сейчас ориентируешься лучше меня. – Дождавшись уверенного кивка Каи, я продолжила: – Выберешь что-нибудь подходящее для прогулки по городу?

– Конечно!

Я кивнула и направилась к двери. Гребни и шпильки лежали в купальне, а ещё там находились зеркало и стул. Было очевидно, где заниматься причёской.

– Сегодня ветрено, – звенело за спиной, – Нужно обязательно надеть пальто!

– Только попроще. – Я обернулась.

– Попроще?

– Что-то, на чём поменьше вышивки. – Заметив вопросительный взгляд Каи, я объяснила: – Я собираюсь прогуляться по внешнему городу.

Кая сдвинула брови.

– Скутум не запрещал мне покидать резиденцию. Лекарь с целительницей не возражали против прогулок.

На моё заявление, Кая поджала губы и наверняка начала придумывать, как бы уговорить меня остаться в апартаментах и не потерять в процессе уговоров место. Я же двинулась дальше. В голове уже созрел десяток контраргументов, но мне удалось отвлечь Каю иначе.

Боль была ослепительной, скручивающей в прямом смысле слова и пронизывающей. Ударилась я большим пальцем ноги, а прошло до самого затылка!

– Шшштб тебе умереть и встать! – На самом деле я смогла прошипеть не только первое слово, но и всё ругательство целиком, причём на лагузу, потому не опасалась быть уличённой в недостойном поведении.

– Это кофр! – воскликнула Кая. Она подлетела ко мне и предложила руку для опоры.

– Приятно познакомиться, – проворчала я, глядя на монстра, выпиравшего из-под полки с обувью.

Кая издала странный звук, похожий на всхлип. Я её понимала. Сначала испугалась за меня, ну и за себя, точнее, за своё место, а теперь её душил смех!

– Вы сказали, что сами с ним разберётесь, – зачастила Кая. – В нём не одежда, а документы. И вообще он заперт на ключ.

Ключ? Приятно узнать, что Вирна носила на шее не сомнительную с точки зрения эстетики подвеску. Какие же документы она хранила под замком? Очередной проект закона, не менее сомнительного, чем вид ключа, охранявшего его?

– Почему он в гардеробной, если там документы?

– Потому что ваш кабинет объединён с гостиной. Там не так чтобы много места и вообще

– И почему кабинет и гостиная объединены? – перебила я.

– Вы не возражали, – неуверенно произнесла Кая.

Наконец, я смогла разогнуться и восстановить дыхание. Ещё я надеялась, что вернула себе пристойный и уверенный вид. Последнее – насколько это вообще было возможно в халате на голое тело.

– И всё же почему? – настояла я на ответе.

– Из-за господина Лефа, то есть

– Секретаря, – со вздохом закончила я за Каю. – Не стоит так нервничать каждый раз, когда сбиваешься.

– Я не нервничаю! Просто Если я не стану поправлять себя вслух, то так и буду сбиваться.

– Работа же временная?

– Да, но рекомендации.

Кая пыталась увести разговор в сторону. Я улыбнулась. Понимающе. Даже с лицом Вирны это получилось убедительно, поскольку результата я добилась.

– Все знают почему, – уверенно заявила Кая и прикусила губу.

Чтобы не сказать что-то, что могло вызвать подозрения, несмотря на сказку о потери памяти, я изобразила вежливый интерес.

– Так-то логично – пробормотала Кая, и я поняла, с интересом вышла осечка. – Раньше ведь скутумам не приходилось искать супруга или супругу.

И тут я почувствовала себя немного Каей. Я смотрела на горничную и хлопала ресницами.

– Скутум и секретарь – всегда пара, – произнесла Кая так осторожно, словно пыталась объяснить жителям Зонийских пустошей, что Альбэ, конечно, крупнее Арума, но Арум всё равно ближе к планете, помня о перспективе быть утопленной в одном из местных озёр за преступление против местной же веры.

Я перебрала в уме все текущие пары скутум-секретарь и вынуждена была признать очевидный факт, которому раньше не придавала значения. Пары были разнополюми, за исключением пары стихии смерти. Интересно, почему скутуму смерти не смогли подобрать супругу раньше, до вступления в должность?

– поэтому резиденцию пришлось перестроить. У секретаря точно такие же апартаменты и

– Я поняла. Благодарю. И я не в претензии, просто

Кая прикусила губу и ещё осторожнее произнесла:

– Амнезия?

– Это не смертельное заболевание. Лекарь и целитель уверены, стоит мне прийти в себя после предсвадебных волнений, и память вернётся.

– Но пока она не вернулась, может быть, вы не станете покидать пределы Золотого города? – с такой же надеждой, как во взгляде Каи, обращённом ко мне, на клерков смотрели клиенты с испорченной кредитной историей, когда приходили в банк за новым займом.

– Я не собираюсь садиться на поезд. Прогуляюсь до платформы. Они, если помнишь, идут либо вверх, либо вниз. Поблизости всегда патруль городской стражи. Я хочу посмотреть на Золотой город со смотровой площадки.

– Так ведь можно и на самый верх ближайшего парка

Под моим взглядом Киа замолчала.

– Я подберу подходящее для прогулки платье и пальто попроще, – пообещала она.

– Благодарю! – я улыбнулась краешками губ и, подхватив горничную под локоть, потащила прочь из гардеробной. – А теперь идём плести косы и собирать из них корону. И поведай мне, что же тебя так расстроило.

– Я я не – Кая задохнулась воздухом, но, к счастью, не остановилась.

– У тебя голос утром был другой. Веки и нос, уж прости, опухли.

Кая забавно прикрыла нос ладонью свободной руки.

– Не переживай, – я сжала локоть девушки, – выглядит довольно мило.

– Это из-за подруги, – призналась она.

– А что с ней?

– Она собиралась приехать в столицу ночным поездом и позвонить мне из гостиницы.

– Не позвонила, – догадалась я.

Кая кивнула.

– Я позвонила сама. Где-то через час после того, как подруга должна была заселиться.

Администратор сказал, что она не появлялась в гостинице.

– Может, поезд задержали?

– Когда в Вндрертере в последний раз задерживали поезд?! – возмутилась Кая так горячо, словно вся её родня до десятого колена и она сама до начала четвёртой декады этого оборота работала на железной дороге.

– Вопрос снимается, как неуместный, – согласилась я. – А домой ты ей звонила?

– Зачем? – растерялась Кая.

– Если поезд ночной, она могла и проспать.

– На неё это, конечно, непохоже, но

– Но нужно позвонить. Если её там не окажется и в гостинице она так и не появится, то обратиться к страже. Они помогут составить заявление и передадут в Следственное Управление.

– А если меня вызовут в Управление или стражники попросят саму отнести заявление?

– Я не планирую возвращаться до обеда, поэтому можешь считать, я тебя отпускаю на это время. Если задержишься, нестрашно.

Кая открыла было рот, но я знала, что она хотела сказать.

– Не переживай! Из жалованья эти часы не вычтут.

– Вообще-то я хотела вас поблагодарить, – смутилась Кая.

– Это – Хотелось сказать «неожиданно», но слово казалось неуместным. – Мило! Очень мило, – нашлась я с ответом.

Оперировать сотнями тысяч имперских крон мне было куда проще и привычнее, чем общаться с людьми по-человечески.

– Корона, – пробормотала я. – Хочу поскорее корону из сухих волос.

На самом деле, я хотела наконец надеть бельё, но его я даже с обеими бывшими подругами не обсуждала.

Кая хихикнула.

Я не разучилась смешить людей. Вот так неожиданность!

Кая пообещала мне завтрак в личной гостиной Вирны. Однако, когда я вышла из спальни, все три стола пустовали.

Кая ворвалась в комнату в своей привычной манере. Я не считала себя выдающимся чтецом эмоций по лицам, но всё в облике Каи говорило мне о её раздражении, возмущении и смущении. На это же указали и громкий хлопок, с каким Кая закрыла дверь, и взгляд через плечо. Точнее, первым был взгляд в коридор, а потом уже хлопок.

– Я – горничная набрала в лёгкие воздуха для тирады, но передумала, сдулась и стала напоминать грустную жабку. – Я забыла уточнить, в какой гостиной накрывать, – покаялась она. – Накрыли в общей.

– И? Скutum смерти вне себя от перспективы завтракать в моей компании?

Кая снова раздулась, сдулась и фыркнула, приняв мои слова за шутку.

– Он в шесть уже отбыл по служебным делам.

Я сдержала искреннее «Бедняга!» и произнесла:

– Тогда я не понимаю, в чём проблема.

– К вам визитёр! – Недовольство и возмущение вернулись к Кае и прорвались в голос.

– Попроси принести для него приборы. На всякий случай.

– Уже принесли.

– Отлично! – я направилась к двери, но остановилась в нескольких шагах от Каи. Миниатюрная девушка выглядела непоколебимой стеной – не сдвинуть, пока не отойдёт сама. – Ты его знаешь?

– Я. О нём. Слышала, – пропыхтела Кая, пылая щеками, как перегревшийся медный чайник.

Я рассмеялась. Удержаться смогли бы только верные слуги Вечного!

– Прости! – попросила я. Кая не была глупой – догадалась о причине моего веселья.

– Если ты так реагируешь на этого господина, зная о нём с чужих слов, представь, сколько эмоций будет, если я побеседую с ним лично.

– Вы что, собираетесь мне потом всё пере – начала было Кая, но замолчала и сверкнула глазами в мою сторону. – Я не собиралась подслушивать!

– Какое же это подслушивание, если я сама предложила? Так, проверка сплетен и экономия времени.

Кая недоверчиво на меня посмотрела. Очевидно, я снова вела себя не так, как Вирна. Но я не могла с собой ничего сделать! У меня уже голова кружилась от предвкушения, если не возврата в собственное тело, то хотя бы встречи с ним! То есть, с Вирной.

– Ладно, – согласилась Кая. – И мне так спокойнее будет, и вам со скутумом смерти объяснять не придётся.

Общая гостиная оказалась размером с три, если не с четыре спальни Вирны. Мебель делила её на несколько зон: пара диванов напротив друг друга и низкий столик между ними, композиция из дивана и трёх кресел напротив камина с часами на полке, уютный уголок с двумя креслами и круглым столиком под люстрой, свисавшей с высокого потолка на длинном шнуре, и конечно же стол на двенадцать персон, сервированный для хозяйки дома и её гостя. Серый камень, молочная обивка, золотая вышивка и чёрное дерево – ничего нового и неожиданного.

Визитёр обнаружился возле стеклянных дверей. Он смотрел на террасу, повернув голову влево. Я могла оценить лишь его затылок, скрытый копной густых, вьющихся крупными кольцами белых волос. Кончики прядей касались воротника-стойки чёрного камзола. Мужчина был высок и строен, если не сказать худ. Он стоял, заложив за спину бледные, казавшиеся обескровленными ладони. Выправка выдавала в нём военного, но спина не выглядела напряжённой. Я могла представить лёгкость, с которой мужская рука скользнёт на рукоять клинка. Судя по длине и ширине ножен, визитёр привык обращаться с тесаком армейского образца.

Выбор позиции меня заинтриговал. Мужчина проигнорировал сидячие места вблизи стола, словно не настаивал на приглашении разделить завтрак.

– Вы предпочитаете ранние визиты? – спросила я, поскольку на звук открывшейся двери незнакомец даже голову не повернул.

Мужчина обернулся, и я утонула в золоте огромных не только для женщины, но и для женщины-мага глаз. Потом мужчина улыбнулся совершенно безумной улыбкой, продемонстрировав и нижний ряд белоснежных зубов. Его глаза превратились в узкие щели. Я сообразила, до этого он просто широко распахнул глаза, словно от сильного удивления. Чёрные брови и ресницы выглядели резкими угольными штрихами на угловатом лице, а губы оказались неожиданно полными, хоть и бледными, как у Вирны без краски.

– Альбино Амару, к вашим услугам, – голос у мужчины оказался низким и хриплым. Он резко и коротко кивнул.

Я непроизвольно опустила взгляд, но нет, ожидаемого щелчка каблуками, который военные делали в шутку или по привычке, забывшись, не случилось.

– Вы почти угадали, – господин Амару снова продемонстрировал улыбку сумасшедшего, которая, впрочем, совершенно не пугала и даже странным образом располагала! – Я состоял в личной охране королевы Диллы.

– Амару? – переспросила я.

Гость дёрнул вверх рукава камзола и рубашки. Стала видна часть браслета. По цвету он напоминал кольцо-зарок Вирны, а не её ограничитель.

– Из меня такой же маг, как и из вас. – Амару поправил рукава. – И близким я позволяю называть себя Бино.

Моя правая рука непроизвольно взметнулась ко лбу, разгладить образовавшиеся на нём складки и помочь бровям опуститься на положенное место. Возмущение и смущение Каи становились понятными. В обществе этого господина приличной замужней даме оставаться не следовало, иначе она утомится объясняться с супругом или станет вдовой раньше, чем планировала.

– И всё же. Вы предпочитаете ранние визиты?

Господин Амару посерьёзней.

– Я присутствовал на вчерашнем торжестве в качестве сопровождающего Лины до Патрис. Она хотела лично поздравить вас и скутума смерти со свадьбой, поэтому я стал свидетелем инцидента. Вы поверите, если я скажу, меня мало что трогает. Вчерашнее происшествиеполнило этот короткий список. Я решил лично осведомиться о вашем здоровье.

– И чем же вас тронуло вчерашнее происшествие?

Амару дёрнул плечом и уголком рта, но это не было намёком на улыбку.

– Женщины должны быть счастливы хотя бы в день своей свадьбы.

Я снова коснулась лба.

– Я прекрасно себя чувствую и благодарна вам за беспокойство. Что-то ещё?

– Да, – господин Амару снова сощурился и оскалился, – я подумал, будет лучше, если Лина до Патрис сама расскажет супругу, который должен вернуться в резиденцию к восьми утра, по чьей просьбе пригласила меня погостить. К слову, это была Альбина Флавиус.

Мать императора?! Моя правая ладонь замерла.

– Вы поражены моими знакомствами?

Меня поразила уверенность господина Амару в том, что гостеприимство Лины до Патрис пройдёт для него без последствий. К сожалению, произнести такое без последствий могла Ветта Ферро, а не жена скутума смерти, воспитанная в благородной семье Маринэ.

– И какое отношение этот факт имеет к вашему визиту? – спросила я вместо откровенного ответа.

– Удобный для меня выход из Золотого города открывается в восемь. Согласитесь, коротать время, сидя в тишине чужой гостиной приятнее, чем в обществе сонных стражников и патрульных.

Он собирался выйти из Золотого города! Я улыбнулась, и от этой улыбки перестал улыбаться господин Амару.

– Бино, – произнесла я как можно более нейтральным тоном, – вы ведь позволите мне вас так называть?

Амару кивнул.

– Я к вашим услугам, – повторил он то, о чём я собиралась ему напомнить. Моя улыбка стала ещё шире, а у Амару дёрнулся кадык.

– Приглашаю вас присоединиться ко мне за завтраком. Если вы согласитесь, то в мире станет больше на одну женщину, которая была счастлива не только в день свадьбы.

Взгляд Амару изменился. Если до этого он смотрел на меня, как хищник на жертву, которая его забавляла, но не представляла гастрономического интереса, то теперь во мне пытались разглядеть партнёра по охоте.

– Даже немного жаль В моём обществе вы будете в полной безопасности, – сообщил Амару, подтвердив мою догадку.

Я фыркнула.

– Ваша служанка может так и передать скутуму смерти, – продолжил Амару.

Я услышала, как в коридоре фыркнула Кая. Амару это тоже услышал, иначе бы не смотрел на дверь.

– К столу?

Амару кивнул.

– Вы не станете называть меня по имени, – заявил он, расправляя салфетку на коленях.

Я поочередно дотронулась до ложки, вилки и ножа через плотную ткань куверта.

– Я – стану, – произнесла я с паузами, смысл которых этот странный маг никогда не узнает.

– Но не сегодня.

– Не сегодня, – согласилась я, и после этого двери гостиной распахнулись, впуская тележку с долгожданным завтраком, буфетчика, который катил тележку, и Каю.

Девушка включила радифон и положила свежий выпуск «Утра Вандрертера» на стол рядом со мной. Буфетчик неодобрительно посмотрел на газету, Кая – на буфетчика.

Я по привычке открыла вторую страницу.

– Финансовые новости перед едой? – Амару изобразил удивление и заявил: – У вас крепкий желудок.

– Или нервы, – пробормотала я, пробегая взглядом разворот в поисках заметки о подписании договора между банком Вандрертера и Лудом Акке. Если бы речь шла о менее солидном издании, новость могли бы вынести и на передовицу, но «Утро Вандрертера» сегодня не шокировало и не удивляло своих читателей.

Я сложила газету и бросила её на опустевшую тележку.

– Госпожа Вирна? – позвала меня Кая.

Я подняла на неё немного расфокусированный взгляд. Если Кая при Амару спросит, всё ли в порядке, я её уволю, несмотря на обещание, отсутствие полномочий и морально-этический аспект действия.

– Вас устраивает завтрак? Меню согласовывалось с вами

Я смотрела на тарелку диаметром почти в полторы ладони, на которой выложили две узенькие полоски жареного говяжьего бекона, сваренное вкрутую и разрезанное на четыре части яйцо, к тому же политое каким-то белым соусом, и парочку пшеничных гренков, таких тонких, что они просвечивались. В отдельной плошке лежал паштет, мало того, что овощной, так ещё и уместившийся бы в десертной ложке. В глубокую тарелку положили кашу – целых три столовых ложки! – и украсили её клубничной, нарезанной лепестками, тремя каплями мёда и листиком мяты. Из ближайшего ко мне кувшина доносился аромат травяного настоя.

Глядя на это безукоризненно сервированное «обилие», я была вынуждена кое о чём напомнить себе – я находилась не в своём теле! Это я завтракала раза в три плотнее птички Вирны, потому что у меня на обед были лишь булочка с цукатами и напиток из молотых марваритских зёрен, купленные в кафетерии рядом с банком. Это я любила яйца, сваренные в мешочек, мясной рулет с острым соусом и отрубной хлеб

– Госпожа Вирна?

– Простите, я просто не узнаю свой завтрак.

Кая хмуро посмотрела на Амару, тот выгнул левую бровь, но предпочёл спрятаться за чашкой моего любимого напитка.

Буфетчик с невозмутимым видом покатил свою тележку к выходу. Кая осталась, будто в ожидании дальнейших распоряжений.

– Не думаю, что из амнезии стоит делать тайну. Собеседники в первую очередь подумают о проблемах с головой, а не с памятью.

Кая развернулась на месте, звонко хлопнув подолом юбки, и направилась следом за буфетчиком.

– Общение с этой особой по утрам должно бодрить, – прокомментировал выход Каи Амару.

– Вы выпьете весь кувшин?

– Да, но я с удовольствием угощу вас в вашем же доме вашим же напитком!

Слова Амару не разошлись с делом. Он ещё не закончил говорить, а коричневая горьковато-пряная жидкость уже наполняла мою чашку.

– Мне повезло, что вы настолько любезны.

Амару расхохотался, а я сделала первый глоток. Вкус ощущался полнее и многограннее, как и у вчерашнего вина. Пожалуй, по этой особенности тела Вирны я буду скучать. Возможно, и еда окажется не такой ужасной, как я представляла. Особенно, переваренный желток

– Потеря памяти пошла вам на пользу, – заявил Амару отсмеявшись.

– Что вы имеете в виду?

– Вы не заметили взглядов, которыми вас одарили служащие резиденции, стоило вам упомянуть о крепких нервах?

– Меня больше интересовали новости, – ушла я от ответа.

– Что ж, на откровения вы не настроены. Тогда, как говорят перед трапезой в семьях простых абригцев, приятного аппетита!

Я едва не призналась в своей осведомлённости что, где и как говорят в Абриго.

– Приятного аппетита, – привычно произнесла я, но это можно было списать на вежливость к чужим традициям.

Желток, действительно, оказался неплох. Кашу спас напиток, которым я её запивала. Паштет Айна бы демонстративно закопала, а я не отказалась бы узнать рецепт. Гренки просто растаяли на языке, ничего не добавив ко вкусу паштета. Прелесть говяжьего бекона осталась мне недоступна.

Амару благородно поменял свой напиток на мой травяной настой. Я ничего не имела против цветов и трав, но предпочитала на них смотреть или слушать их аромат, а не пить.

Амару не отставал от меня. Он быстро расправился со своими более объёмными блюдами, очевидно, из меню скутума или его секретаря.

– Радиофон, – произнёс Амару, звякнув дном чашки о блюдец.

Я вздрогнула от неожиданности, открыла глаза и прислушалась.

– декады осталось до начала сельскохозяйственных работ, однако благородный Густ Фредо выступил с заявлением уже сегодня

Взгляд сам устремился к часам. Начало девятого. Какой деятельный у нас министр сельского хозяйства! Или?..

– поделился опасениями, что и этот оборот в северных регионах Форесты и на юго-западе Монте станет проблемным для урожая зерновых. Также он выразил надежду на адекватную помощь ордена Щита в случае, если неблагоприятный прогноз сбудется. В связи со свадьбой скутум смерти сейчас находится в отпуске, однако он прокомментировал заявление министра.

– Голос диктора сменился голосом скутума смерти: – Опираясь на опыт прошлого оборота, можно утверждать, названные провинции и в текущем ждут проблемы с урожаем. Чтобы получить адекватный объём зерна в регионах рискованного земледелия, в первую очередь следует закупать рекомендованный агрономами и согласованный с магами объём семян. Когда формировался бюджет, Орден указал господину министру на несоответствие в цифрах и получил от него напоминание о том, что сельское хозяйство не является сферой влияния магов. Следует отметить, что впредь помощь Ордена, действительно, будет адекватной. В прошлом обороте Орден был вынужден оказать чрезмерное влияние на погоду. Разумеется, это было согласовано на внеочередном Императорском совете. Однако, последствия этого влияния, которые также обсуждались на заседании, ощутили жители провинций Эмакрия и Гемматия. В заключении хочу напомнить, маги – не боги. У наших способностей есть ограничения, а применение способностей влечёт последствия.

– Госпожа Вирна, ваш супруг великолепен!

– В каком смысле?

– Благородный Густ Фредо решил неблагородно свалить свой грядущий провал на Орден. Выбрал, как ему показалось, самый удачный момент, но кое-что упустил из виду. Сейчас не те времена, когда в эфир пускали новость, не получив комментарий оппонента. А оппоненту проще сразу расставить все диакритические знаки в тексте, чем потом отбиваться от обвинений на заседаниях Совета Вандрертера.

Я усмехнулась.

– Что-то мне подсказывает, на заседаниях Совета Вандрертера ещё долго будут цитировать ту часть высказывания скутума смерти, где он просит не приравнивать магов к богам.

– Я верю в вашего супруга! Уверен, после первого же его ответа, остальные деятели поспешат вымарать цитату из текстов выступлений и вообще забыть.

– А я верю в вас! В ваше умение держать слово.

– Я само внимание.

– Я хочу после завтрака прогуляться по городу и подумать о вечном, но не хочу, чтобы моя горничная и мой супруг волновались. Будете моим сопровождающим?

Глава 5

За два часа угольно-серый туман превратился в пепельный и выплёскивался из каменной чаши озера на набережную. Амару сбежал по ступеням резиденции, по щиколотку очутившись в дымке. Она огибала его сапоги, будто он вошёл в лениво текущую реку.

Я осталась на террасе. Кая оказалась права, перчатки нужно было надеть ещё в холле. Амару заложил руки за спину и смотрел на меня, как кровный племянник дядюшки Петера на очередную головоломку. Из тех, что выглядят слишком простыми, чтобы это было правдой.

– Вы хотите покинуть Золотой город. Вопрос, где вы собрались думать о вечном. Не в Вандреркерском же Соборе.

Я опустила взгляд. Никак не получалось наощупь застегнуть последнюю пуговицу.

– Почему нет? Флави Маринэ глубоко религиозен. Это всем известно. – В отличие от Амару я спускалась по лестнице, придерживаясь за перила. Камни под ногами блестели от влаги и скользили под подошвами ботинок. Не хотелось отправиться-таки к предкам в трёх шагах от цели.

– Это было бы слишком предсказуемо, – с этими словами Амару подставил мне локоть для опоры.

Искушение было велико, но я покачала головой и крепче сцепила руки в замок. Сумка тут же ударила по коленям, но я лишь вздохнула.

– Вынужден настаивать и на раскрытии пункта назначения, и на том, чтобы вы приняли мою помощь.

Тон Амару по-прежнему был весёлым, но что-то изменилось в его взгляде. Нет, дело было не в «плавающем» золоте радужки, как у Каи Руку Амару не опустил. Я положила ладонь на его локоть раньше, чем осознала, что делаю, и заговорила раньше, чем это осознала:

– Я хочу посетить Дом пепла.

– Однако! Тогда нам нужны ворота под резиденцией императора. Ближние. Они как раз открылись

Что же заставило меня принять помощь и заговорить? Я никогда не относилась к числу людей, податливых чужому давлению. Неужели, опираясь на слова Каи, я позволила себе увидеть в Амару лишь то, что видели глаза – молодого военного в отставке с запоминающейся внешностью? И услышать лишь то, что соответствовало увиденному и словам Каи – не в меру наглого, но обаятельного повесу. Быть может, заговорив о моей безопасности в своём обществе, Амару не имел в виду безопасность для репутации. Точнее, имел в виду не только её.

– вижу, вы не расположены слушать об устройстве системы сообщения между внутренним и внешним городами.

– Простите, я задумалась.

Я запрокинула голову, чтобы посмотреть на Амару. Жёсткие поля шляпки упёрлись в спину. Неудобства себя не окупали. Амару смотрел перед собой, и его лицо хранило безмятежность, достойную лика Вечного.

– О чём? О, простите мою забывчивость! К откровениям вы тоже не расположены.

В голосе Амару я слышала веселье, но не увидела на лице ни намёка на улыбку. Я опустила голову и тоже решила посмотреть вперёд. Ничего примечательного вид из себя не представлял. Слева, из озера, по-прежнему тёк туман. Он голодной кошкой ластился к ногам, изредка обнажая камни набережной. Справа высилась каменная стена, испещрённая символами. Впереди виднелись чёрные, будто обгоревшие деревья сквера, отделявшего резиденцию скутума смерти от императорской. Пропитанные влагой ряды деревьев тянулись вдоль боковых фасадов обеих резиденций и, как ручеек, впадали в «русло» парка, общего для всех шестнадцати

скверов. Возможно, более точным было бы сравнение со спицами и ободом колеса. Вот только «спицы» располагались несимметрично. Я тряхнула головой и обратила взор на собеседника.

– Идея прогуляться с вами. Насколько она плоха? – Я решила, по меткому замечанию Амару, расставить все диакритические знаки и снова посмотрела на него, ожидая реакции.

– Уверю вас, госпожа Вирна, идея отличная! – Амару улыбнулся. – А если вас беспокоит это – он посмотрел на мою левую руку, будто знал, что я за ним наблюдаю. – Выбросьте дурное из головы! Ваша репутация не пострадает.

– Вы в курсе, что ваша уже пострадала.

– Только пострадала? Я полагал, за три декады она превратилась в руины.

– А вы безгрешны?

– Как Вечный!.. Или бог Астерио. На ваш выбор.

– Вы – я замолчала, не зная, как Амару отреагирует, если назвать его человеком. Немного подумав, я определилась: – Поразительная личность.

Амару снова улыбнулся. Скорее весело, чем иронично.

– Госпожа Вирна, вы же знаете, что скутума смерти бояться и считают ужасным?

Вопрос не требовал ответа, однако Амару посмотрел на меня, вынудив ответить:

– Знаю.

– Знаете, почему так?

Этот вопрос требовал ответа. Вот только я не знала, как на него ответить. Однако, о чудо! Амару не стал на неё настаивать.

– Потому что это из раза в раз повторяют люди. Одним жажда власти не даёт спокойно спать, пока Орден сохраняет независимость. Другими паранойя не даёт спокойно жить – они всё ждут, когда же маги откроют своё истинное лицо. Есть и те, кто попросту бояться, что люди начнут сравнивать Орден и все человеческие Советы, поскольку сравнение выйдет не в пользу последних. Я не утверждаю, будто Орден свят. Просто маги лучше охраняют свои тайны, и их грешки практически не влияют на людей.

– Интересная точка зрения, – дипломатично ответила я, не понимая, к чему клонил Амару.

– У Лины до Патрис, главы дома до Патрис, сверстницы матери императора, есть совершенно очаровательная внучка, названная в её честь. Ей пятнадцать, если вы не знали, и она, разумеется, не замужем. У старшей Лины до Патрис есть супруг. Говорят, неплохой человек. Наверняка я о нём знаю одно – он нетерпим к золотоглазым. Даже таким, как мы с вами.

«Я. О нём. Слышала», – так сказала Кая. Она знала имя той, кого Амару сопровождал на свадьбе, но не видела её.

– Если дело не в скандальных историях с участием замужних дам, то что же разрушило вашу репутацию?

– О моих дамах, госпожа Вирна, даже при дворе её величества Диллы никто ничего не знал. Что же касается моей репутации – Амару вздохнул. – Её разрушили глупцы, которые винят в своих проигрышах меня. А надо бы себя. За неумение понять, что противник удачливее и опытнее. И за нежелание вовремя остановиться.

Я промолчала. Ситуация сложилась классическая. Отсутствие важных деталей кардинально изменило восприятие происходящего. Кая попала в Золотой город случайно и, как мне кажется, о благородных семьях знала примерно столько же, сколько и я. К клейму бесчестного игрока, которое девушку вряд ли волновало, автоматически добавилось второе – распутника.

– Я вас успокоил?

– Вы почти заставили меня устыдиться.

– Я не хотел.

Амару напомнил мне о последствиях слепого доверия к кому бы то ни было. Этого он тоже не хотел. Однако я была ему благодарна, пусть и не собиралась об этом говорить.

– Мы пришли, – Амару кивнул на кованые ворота в стене.

Я подняла голову. Балюстрада террасы императорской резиденции выглядела ничуть не шикарнее, чем в резиденции скутума, а оформление видневшейся части главного фасада я бы назвала сдержанным.

– И каков будет наш дальнейший путь?

– По внутреннему туннелю мы поднимемся к среднему узлу внешней ветки. Доберёмся на платформе до середины Среднего города. После немного прогуляемся до Дома пепла. Вы же хотели прогуляться?

Я кивнула. Последние два пункта совпадали с моим собственным планом, а первый Я предполагала, мы доберёмся до основания Нижнего города.

– Жаль я не слушала ваш рассказ об устройстве системы сообщения.

Амару опустил локоть, и я опустила руку. Сумка тут же поприветствовала колени. Благо, плотная ткань юбки могла защитить их от появления синяков.

Мужчина распахнул передо мной дверь, массивную и грубовато сработанную, что выдавало её возраст. Петли вопреки ожиданиям не скрипнули.

– Вы забыли и это, – произнёс Амару таким тоном, что в конце фразы напрашивалось «Как интересно!».

Я могла бы ответить что-то вроде «Такие воспоминания в моей памяти отсутствуют». Чтобы не врать. Однако эти слова царапал даже внутренний слух.

– Где стража?

– Дальше. Возле входа на платформу, – спокойно объяснил, а быть может, и повторил Амару.

Я приготовилась увидеть стандартный патруль: два человека, маг и его креат или человек, двое золотоглазых, один – при теске, второй – с креатом. Вход охранял второй вариант патруля в урезанном составе. Отсутствовал человек.

Амару очень удачно вспомнил старинное прозвище – «золотоглазые». Никто никогда не видел, как создавали печати те из них, кто носили оружие. А те, кто создавали печати, артефакты и креатов, никогда не брали в руки оружие, даже современное, огнестрельное.

Вышло так, что я и Амару поприветствовали стражей синхронными наклонами головы. Маги равнодушно кивнули нам в ответ, но взгляды у обоих были цепкими.

Креат выдавал принадлежность своего создателя к стихии воды и выглядел, как рысь. Стоило нам приблизиться к решётке, отгораживающей платформу, он отошёл к стене, разрешая пройти. Некоторым людям не нравились анималистичные креаты. Они напоминали о бестиях, огромных неуязвимых тварях из армии Странника, перекочевавших из реальности Тёмных Вреён в сказки. На мой взгляд, волки, лисы, рыси, медведи и орлы выглядели куда приятнее антропоморфных креатов, чаще напоминавших нелепого человечка с неумелого детского рисунка.

Решётка медленно собралась в плотную гармошку с правой стороны. Амару запрыгнул на платформу, проигнорировав ступеньки, и подал мне руку. Хвала росту Вирны! Она не могла позволить себе носить юбку в пол, и мне не пришлось подбирать её, чтобы подняться. Мне хватало неудобств и с проклятой сумкой.

Платформа заскользила вверх, быстро набирая скорость, – я не услышала, как решётка скользнула на место.

Я думала, что изысканность этого сооружения закончилась на воротах. За ними нас окружал лишь светлый камень. Кабели змеились по стенам между старинными креплениями для факелов, которые позже приспособили под светильники.

Я ошиблась с оценкой. Туннель поразил своей «естественностью» до широко распахнувшихся глаз. Я не могла понять, что вижу – наспех обработанный камень или бесконечные ряды печатей.

В какой-то момент платформа промчалась мимо странной конструкции. Я непроизвольно оглянулась в попытке рассмотреть её и устояла на ногах лишь благодаря крепкой, почти болезненной хватке Амару на моём локте.

– Неразумно, – сказал он.

Неразумно было отказаться от установки ограждений на платформе, как во Внешнем городе! Хорошо хоть оставили защиту от воздушных потоков.

– Вы правы, – вынужденно согласилась я и подняла голову. Теперь я видела уходящие вдаль рельсы, по которым платформе ещё предстояло нас прокатить. Голова снова закружилась, однако пальцы Амару по-прежнему сжимали мой локоть. Я закрыла глаза. С прежним результатом.

– Смотрите под ноги, на платформу.

Я последовала совету и в попытке перестать думать, что останется от тела после падения с патфермы, спросила севшим голосом:

– Что это было?

– Вы о вратах?

С губ сорвался нервный смешок.

– Не знаю. Наверное.

– Врата в случае необходимости отсекут Золотой город от Внешнего. Это каменные плиты толщиной в десять ладоней. С полным набором печатей, разумеется. Сигнал на закрытие-открытие магической. Срабатывание на чистой механике.

Я кивнула. Так и хотелось спросить, в какой ситуации будет подан сигнал, но я решила не рисковать. Вдруг это каждый маг должен был знать с рождения. Даже такой, как Вирна. Амару, очевидно, знал это, даром что вырос в Абриго.

– Прибываем.

В предупреждении Амару не было смысла. Я чувствовала, как платформа снижает скорость.

Решётка в узле была, как говорится, с завитушками. Возможно, обитатели Золотого города простотой окружения уравнивали обилие узоров на одеждах?

Мага из патруля в первую очередь заинтересовали именно они. И я только тогда заметила отсутствие печатей на пальто Амару. Огненный орёл размером с голубя, сидевший на плече мага, расправил-сложил крылья и открыл клюв в беззвучном клёкоте. Стражники-люди подошлись.

Ситуация не очень-то располагала к веселью, но я отчего-то улыбнулась. Маг нахмурился и посмотрел мне в глаза. Перевёл взгляд на Амару, на его лицо, если судить по направлению взгляда, и расслабленно сложил руки на груди.

– Какой волнующий приём! Вы не находите, госпожа Вирна?

Я ещё раз улыбнулась страже, вцепилась в локоть своего сопровождающего и почти потащила его к привычным мне рельсам. По ним как раз поднималась, замедляясь, пустая платформа.

– Вы не могли промолчать?

– Вы испугались? – удивился Амару.

– Нет. Я просто не вижу смысла портить настроение нашей доблестной страже.

– Вы считаете, я испортил настроение патрулю?

Амару собирался обернуться. Мне захотелось толкнуть его в спину, чтобы он уже забрался на платформу, но Вирна Марино не могла так поступить. Да что там, даже Ветта Ферро себе такого хамства никогда бы не позволила!

– Помогите мне подняться, будьте любезны! – не очень-то любезным тоном попросила я.

– Для вас – всегда.

– Предлагаю вам полюбоваться видами. Они того стоят.

Амару улыбнулся в ответ. Я решила самостоятельно следить за остановками. Вдруг мой сопровождающий, действительно, zalюбуется.

– Чудесный некрополь! – воскликнул он полминуты спустя.

Амару, действительно, zalюбовался! Если бы он ещё молча делал это.

Я посмотрела назад. Через стеклянную стену туннеля открывался прекрасный вид на Среднее кольцо внешнего города. По нему как раз проезжал восьмичасовой поезд.

– Всегда находила странным хоронить тела в мостах и дорогах.

– Станным? – совершенно искренне удивился Амару, а потом добавил со знакомой усмешкой: – Сожжение лучше?

– Оно экономит землю.

Я столько раз слышала и видела в прессе это аргумент, что повторила его, не раздумывая ни мгновения.

– О да! Чего в Вандрертере не хватает, так это земель! – Амару рассмеялся.

Я его веселье не поддержала, чем озадачила. Амару перестал смеяться. Даже тени улыбки не осталось на его лице. Он широко распахнул глаза, а потом сощурился.

– Что вы думаете об армии Вандрертера?

Я о ней никогда не думала, однако упрямый наклон головы Амару дал понять, он настаивает на ответе.

– Она самая малочисленная в мире.

– Вот как? И почему?

– Боевые маги есть только в Вандрертере.

– Да, боевые маги на экспорт не идут, – пошутил Амару. Прозвучало весьма сомнительно.

– Вы считаете, пара тысяч магов, разбросанных по гарнизонам страны устоит против вторжения, скажем пятидесятитысячной армии Ноэса, вооружённой огнестрельным оружием?

Я бы удивилась, вспомни Амару об армии почти родного Абриго.

– Военное дело – очень специфическая тема.

Да, я пыталась уйти от ответа. Не приведите все боги мира, – пусть они и не существовали! – чтобы Вирне припомнили слова об армии! Это была не та политика, к которой она привыкла.

– Согласен. Однако элементарна логика и математика подскажут ответ. Боевые маги не устоят.

– Считаете, это элемент сдерживания Ордена?

– Орден на безвозмездной основе предоставляет всем желающим критически важные магмодифицированные технологии. Орден не продаёт магов. Суммы, которые он получает, – это компенсация средств, потраченных на образование, лечение и тому подобное. Орден никогда не пытался открыть обители в других странах. Что сдерживать? – спросил Амару, закончив перечисление очевидных и общеизвестных вещей.

Я упорно не смотрела на него. Никогда прежде у меня не вызывал такой восторг фасад магазина канцелярских товаров. Платформа в очередной раз начала тормозить.

– Мы прибыли!

Амару молча помог мне спуститься на тротуар. Во мне, где-то в районе солнечного сплетения, зашевелилась гусеница надежды. Печально, что ей не суждено было превратиться в бабочку.

– В дорогах и мостах Вандрертера покоится его настоящая армия.

Я вспомнила густую и запутанную, как творение безумного паука, сеть многоуровневых арочных сооружений. Нигде в мире такие не строили без крайней нужды. Каждый мост и дорога в Вандрертере находились в ведении Ордена. Я сглотнула комок в горле, представив, сколько тел в них хранилось.

– Выходит, вы избежали не только наречения, но и службы после? – спросил Амару.

– После?

– Каждый маг принадлежит Ордену. Он обязан подчиняться ему при жизни и служить после смерти. Если тело осталось в пригодном состоянии. Некоторые люди, кстати, завещают свои тела Ордену. Орден принимает их со звонкой, золотой благодарностью. Если труп сочтут пригодным, благодарность удваивается и достаётся наследникам умершего.

А я ещё называла жёсткой демографическую политику Ордена!

– Вы помните девиз?

Амару не стал уточнять чей, но это и не требовалось.

– Мы – щит, – продекларировала я. – Если бы Орден уточнил, для кого именно, количество его проблем уменьшилось бы.

– Сомневаюсь.

– Так для кого щит?

– Для мира. – Амару пожал плечами и уточнил: – Всего лишь для целого мира.

А я поначалу решила, под миром он имел в виду покой и всеобщее благоденствие.

– Вы правы, – пробормотала я, – такое уточнение проблем Ордену не убавило бы. Отличный девиз и миссия для фанатиков.

Амару рассмеялся.

– Если вы не забыли историю ордена Щита, то у его истоков вроде как стояло некое божество.

– Защитник. Он явился во снах избранным и научил их, как победить Странника. Он даровал людям магию, – почти на одном дыхании выдала я, как в школе на уроке. Я очень любила историю. Даже сейчас половина книг в моей личной библиотеке была на эту тему.

Амару смотрел на меня с интересом.

– Так написано в учебниках, – ответила я размеренно и порадовалась, что не покраснела от смущения.

– Поражаюсь избирательности вашей памяти!

– А у вас нет воспоминаний, от которых вы мечтаете избавиться?

– Так вам повезло? – Амару усмехнулся.

Обсуждать с ним «потерю памяти» Вирны я не собиралась. Вот только и молчание иногда воспринимают как ответ.

– Ими, то есть мертвецами, в случае необходимости будут управлять маги смерти? – спросила я неожиданно для себя самой. Вопрос, действительно, мог отвлечь Амару и поднять тему моих умственных способностей. Кто ещё кроме магов смерти мог управлять мёртвыми?!

Вопреки моим худшим ожиданиям Амару ответил совершенно спокойно:

– Ими уже управляют. В некотором смысле. Орда из мертвецов с истлевшей плотью и ходячих скелетов хороша разве что для психологической атаки.

Я согласно кивнула.

– У меня такое чувство, что вы ничего не знаете своём супруге, госпожа Вирна.

Слова Амару породили догадку. Возможно, вопрос «Кто?» был не таким и бестолковым.

– Думаете, он знает, на ком женился? – ответила я не только в пику.

– Мы пришли.

Я посмотрела на Амару, его взгляд был устремлён вперёд. Ах, да! Отчасти мой удивительный собеседник был прав. Мы добрались до улицы, в конце которой возвышался, зеленея медным куполом, Дом пепла.

Глава 6

Вандреркер давно не спал, но в Среднем городе это не так бросалось в глаза. В девятом часу утра в дорогих ресторациях, кафе, магазинах и лавках ещё не было посетителей. За закрытыми дверями этих заведений трудился лишь персонал. В своих квартирах клерки, управляющие и прочие служащие собирались в конторы крупных компаний, владельцы которых считали престижным иметь филиал в столице.

Столичный филиал Вандрертерского банка для посетителей открывался в десять, но на рабочее место я приходила к восьми. Голова сама повернулась вправо. Будто я могла увидеть расположенное в соседнем секторе здание, похожее на старинную крепость в миниатюре. Его декоративные башенки, увенчанные коронами с зубцами, были знамениты на всю империю.

Прямого запрета на переезд в столицу никогда не существовало. Золотому городу хватило бы услуги и вояк с одного только подножия каменной чаши. Там же разместили администрацию и отстроили гостиницы для знати, приезжавшей в столицу на Совет Вандрертера. Территорию, расположенную выше, покрывали леса.

Города в провинциях стали активно развивать после основания империи. Всё лучшее внедряли сначала там. Однако никакие блага не смогли вытравить из жителей стремление перебраться в центр, в столицу. Даром, что прежде их было семь – по одной в каждой из земель, позже объединившихся в Вандрертер.

Со временем знать отстроила себе резиденции в Верхнем городе, туда же перевели администрацию, и отстроили Средний город – жемчужину Вандреркера. Широкие улицы и проспекты, сады с фонтанами, парки и скверы, здания, прекрасные в своей монументальности или изяществе – плоды совместных экспериментов архитекторов, строителей и магов. Средний город называли и эклектичным чудовищем, и поражающим воображение. Обе оценки были верны.

Дом пепла выделялся на общем фоне своей простотой. Он находился в центре сектора, занимал почти десятую часть его площади и представлял собой абсолютно гладкий, каменный цилиндр, не выше соседних зданий, накрытый огромным куполом. Этот зелёный колпак было видно и из соседних секторов.

– Вы можете подождать меня в кафе, – обратилась я к Амару и кивнула в сторону заведения, возле которого остановилась.

Стеклянные двери были закрыты, но табличка с соответствующей надписью уведомляла редких прохожих о готовности принять посетителей. Дом пепла работал круглые сутки, и предприимчивый хозяин кафе решил не упускать выгоду.

– Вы возражаете против моей компании? Обещаю не мешать вам думать о вечном. – Амару смотрел на меня прищурившись.

Я пожала плечами.

– Если хотите, можете пойти со мной.

Я, действительно, не видела ничего плохого в совместном посещении Дома пепла. Я была уверена, оно закончится ничем. Куда больше вопросов вызовет визит в собственную квартиру. Объяснить его можно было лишь приглашением хорошей знакомой. Осталось придумать сущий пустяк – как Вирна Марино обзавелась таких знакомством.

Амару поднял левую бровь, кивнул и сложил руки на груди. Очевидно, он собирался проводить меня до дверей Дома хотя бы взглядом. Я снова пожала плечами и направилась к переходу через улицу, перпендикулярную той, по которой мы с Амару шли.

Двери Дома бесшумно распахнулись передо мной, предлагая шагнуть в тепло, пахнущее благовониями и расцветенное огоньками тысяч квадратных ячеек, в которых стояли урны с прахом и таблички с именами.

– Вас проводить?

Я вздрогнула от тихого, проникновенного голоса служащего, облачённого в светло-песочные, цвета местных стен, одежды.

Я покачала головой.

– Благодарю за предложение. Я знаю, куда идти.

Внутри Дом пепла напоминал длинную и широкую ленту, которую свернули в спираль. Состоятельные господа предпочитали, чтобы их прах покоился ближе к центру Дома. Идти было дольше, но зато вдали от чужих глаз. Наверное, в этом и был смысл. Я же не возражала, чтобы кто-то смотрел на горстку пепла, в которую согласно завещанию я превращусь после смерти. Куда неприятнее было представлять, как моя урна выпадает из рук неловкого служащего, стоящего на верхних ступеньках лестницы, и мой прах смешивается с пылью на полу. Я даже проигнорировала голос здравого смысла и за безумные деньги выкупила ячейку на уровне глаз. Однако я сомневалась, что кто-то придёт ко мне.

Из кровных родственников у меня осталась овдовевшая тётка. Я оплачивала её содержание в одном из пансионатов в пригороде Вандреркера. Родня по линии её благородного супруга не поддерживала отношения ни с ней, ни со мной. Общаться с дочкой и внучкой лавочника, к тому же иммигранта, оказалось ниже их достоинства! Другое дело – взять у лавочника-иммигранта деньги за согласие на брак с третьим сыном главы семьи. Если бы у благородного Петера Ригори и неблагородной Лив Ферро родились дети с деловой хваткой деда по неблагородной линии. Если бы нынешний глава семьи обратился за помощью ко мне. Платить родственнице процент за сделки на рынке ценных бумаг – это, как выяснилось, тоже неблагородно. Сейчас Ригори, давно оставшиеся без советов моего деда, лишь проматывали остатки денег. Им снова грозило разорение, вот только новые покупатели на их кровь что-то не находились.

Забронированная ячейка пустовала. Я шумно выдохнула раз, второй, третий. Рука потянулась к груди унять зашедшее от облегчения сердце. Надо же! Я всё же боялась увидеть белую урну из фарфора и медный брусок, с выгравированным на нём: «Ветта Ферро. 6375 оборот Астерио, сезон Холода, 3-й день 28-й декады – 6415 оборот Астерио, сезон Цветения, 1-й день 4-й декады».

Я развернулась и едва не сбила с ног ещё одного служителя Дома.

– Простите, – пробормотала я, шагнув в сторону.

Мужчина кивнул, не изменившись в лице, и пошёл дальше. Я тряхнула головой, собралась сделать шаг вперёд, но не смогла. Спину будто сковало льдом. Руки служителя! Они были. Я оборачивалась очень медленно. Служитель успел выполнить свою работу и снова прошёл мимо.

Я не думала, что так бывает в реальности, но ноги перестали меня держать. Я падала и ничего не могла с этим сделать! Кто-то удержал меня, подхватив под локти и прижав к груди. Хватка была крепкой, а мышцы – твёрдыми. Ничего общего со стариком-служителем. И запах. Я запрокинула голову.

– Вы её знали? – спросил Амару, глядя на белую урну из фарфора и медный брусок, с выгравированным на нём: «Ветта Ферро. 6375 оборот Астерио, сезон Холода, 3-й день 28-й декады – 6415 оборот Астерио, сезон Цветения, 1-й день 4-й декады».

– Дата смерти, – прошептала я или произнесла беззвучно, одними губами. Губы точно шевелились, я это чувствовала.

Амару или услышал, или увидел, но он задал новый вопрос:

– Вы успели поразмышлять?

Я рассмеялась – определённо беззвучно! На глаза навернулись слёзы.

– Идёмте-ка в кафе, – мягко, но уверенно зашелестел над головой голос Амару. – Я заказал нам по кружке горячего вина со специями. В такую погоду – самый подходящий напиток. Его как раз успеют приготовить к нашему приходу.

В себя я пришла уже в сидя на диване в кафе. Сумка стояла на сиденье справа, там же лежали перчатки, а слева, наплевав на приличия и этикет, уселся Амару. Он бесцеремонно сунул мне в руки глиняную кружку, содержимое которой скрывал парок. Я механически сжала пальца на ручке и сделала глоток, не чувствуя вкуса.

– Осторожно! – буквально прошипел Амару.

Я вздрогнула и от неожиданности, и от звучания его голоса. Мне послышалось в нём нечто большее, чем просто акцент раздражённого жителя Абриго.

– Горячо, – произнёс Амару, вернувшись к мягкому тону. Наверное, он заметил моё замешательство. А я я, наконец, почувствовала, как проглоченный напиток жжёт пищевод и хватанула воздух ртом.

Рядом со столом внезапно, будто по волшебству, появилась перепуганная официантка со стаканом воды. Амару забрал стакан из дрожащих рук, передал мне и прервал испуганно-извиняющийся лепет спокойным:

– Госпожа посетила Дома пепла.

– Мои соболезнования, – пробормотала девушка, спрятав всё ещё дрожавшие руки в переднике. – Принести вам что-нибудь ещё?

Амару покачал головой, и она исчезла также стремительно, как появилась.

– Я слышал о вашей тонкой натуре.

– Я тоже слышала, – произнесла я и залпом допила воду.

Молчание Амару меня озадачило. К тому же он до сих пор не притронулся к своему вину. Я посмотрела на своего спутника и под пристальным немигающим взглядом почувствовала готовность лепетать, как официантка.

– Я хотела сказать – Я сделала глубокий выдох. – Господин Амару, приношу вам свои глубочайшие извинения за беспокойство.

– Да, – Амару усмехнулся, – легко перепутать. Фразы звучат так похоже.

Я снова уставилась в кружку, снова схватилась за ручку, но прежде, чем глотать огненный напиток, подула на парок.

– Вернёмся в Золотой город? – спросил Амару и занялся-таки своей кружкой.

Я покачала головой и отвернулась к окну. По тротуару вдоль Дома пепла спешил господин в щегольском пальто и с дипломатом бордового цвета, модного в этом сезоне. Мимо прошла дама в экстравагантной шляпке. Плохо прикреплённая синяя лента свисала с полей перед её лицом. Женщине приходилось постоянно отводить её рукой в сторону. По дороге проехал двухместный мобиль, но его обогнал общественный. Теперь было видно, что Средний город не спит.

– И куда же мы направимся дальше?

– Не дальше, а выше.

– Вы всё же решили посетить Собор Вечного?

Идея была неплоха. Мы бы успели к концу службы, как раз к хоралу. В выходные дни я ходила их слушать. Эти песнопения меня успокаивали, в отличие от проповедей. Их я вдоволь наслушалась в юности в исполнении тётки, ударившейся в религию после смети супруга.

– Говорят, в Вандреркере над ликом божества работали лучшие мастера Абриго. Полюбуемся результатом их трудов?

– Возможно.

Я не возражала, когда Амару расплатился за напитки, а он позволил мне выбрать дорогу. У городов, построенных по чёткому плану, есть одно преимущество – в них сложно заблудиться. Я нечасто гуляла от Дома пепла до своей квартиры или обратно, но сегодня смогла добраться до своего дома без заминок, несмотря на хаос в мыслях. Наверное, я не до конца ещё осознала, ситуацию в которой оказалась, потому что все глобальные вопросы вроде «Как

такое случилось?» и «Как жить дальше?», заслоняли более мелкие и практичные мысли: об Айне, о тётке, об исполнении завещания

Я привычным движением открыла щеколду калитки и зашла во двор перед домом, где прожила пять оборотов. Амару остался на тротуаре. Будь на его месте кто-то другой, я бы предположила, что человек в недоумении и не знает, как реагировать на моё поведение.

Я присела на каменную скамью, ножки которой покрывал зелёный мох и обвивали сухие лозы.

– Вы устали? – спросил Амару, буквально соткавшись из воздуха, как та официантка в кафе.

Я кивнула. Амару сел рядом.

– Отдохнём и пойдём дальше?

Я посмотрел на фасад. Окна моей мансарды выходили на эту сторону. Они были черны, а подоконники пустовали.

Мне удалось выкупить квартиру через оборот после переезда в Вандреркер из родного Реста-на-Веридисе. Да, я отлично потрудилась в Форестском филиале!

Амару тоже посмотрел на фасад здания.

– Кажется, будто мы вернулись в Золотой город, – сказал он.

– Это одна из первых построек Верхнего города. Граница тогда проходила ниже современной. Резиденция принадлежала – я потёрла лоб, фамилия вылетела из головы, – какой-то из благородных семей. Из новой знати. Потом они перебрались выше, за Верхнее кольцо.

– Это заметно.

– Что именно? – бездумно спросила я, глядя на пустовавшие подоконники мансарды.

– Что дом некогда принадлежал новой знати. Мудрые были люди. Выбрали простоту и канонические пропорции понимая, что вкуса пока не достаёт.

Я кивнула. О чужих вкусам говорить не хотелось. Мансарда напоминала потухший очаг, а пустые подоконники Я машинально опустила левую руку и пошевелила пальцами. И вздрогнула, когда в ладонь ткнулось

– Что случилось? – вскинулся Амару.

Я не ответила. Шея двигалась медленно – так же неловко я оборачивалась в Доме пепла. Белая шерсть с голубоватым отливом, из-за которого все соседи звали мою кошку Геммой. Одни из самых дорогих и редких камней в мире, действительно имели такой оттенок, как и второй по удалённости спутник Унна, тоже названный в честь камня. Чёрные глаза смотрели внимательно и немного озадаченно. Жест был знаком Айне, а лицо и запах – нет. Я снова пошевелил пальцами. Айна запрыгнула на скамью. Я согнула левую руку в локте и устроила предплечье на бедре. Кошка переступила через мою руку и забралась на колени, оставляя на пальто следы от мокрых лап. Она свернулась клубком, устроив голову на моей руке. Я погладила её между больших ушей. Айна негромко заурчала и прикрыла глаза. Выбралась через форточку? Или

– Ловко вы с кошечкой управились!

Я вскинула голову на знакомый голос. К нам спешила госпожа Герра. На её бледном лице как никогда выделялись покрасневшие и распухшие глаза и нос.

– Доброго утречка вам! – поприветствовала нас хозяйка дома, той его части, что ещё не выкупили.

Я кивнула, предоставив беседу Амару.

– И вам, госпожа

– Герра! – откликнулась женщина.

– Госпожа Герра, – повторил Амару самым благожелательным тоном. – Мы решили немного отдохнуть в вашем дивном дворике. Надеюсь, вы не против?

– Нет-нет, что вы! – госпожа Герра замахала руками. – Так вам нравится кошечка?

Я снова кивнула.

– Так может вы того Заберёте её?

– Она не похожа на уличную, – с сомнением заметил Амару.

– Конечно не похожа! – с так

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.